

МОРСКОЙ СПЕЦНАЗ

ГДЕ МЫ, ТАМ ПОБЕДА!

Сергей ЗВЕРЕВ

ФЛОТСКОЕ БРАТСТВО

ЭКСМО

Морской спецназ

Сергей Зверев

Флотское братство

«Научная книга»

2004

Зверев С. И.

Флотское братство / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2004 — (Морской спецназ)

В водах Балтики у польского побережья выловлен обезглавленный труп. На нем униформа русского военного моряка, в кармане — документы на имя старшего лейтенанта Павлова. Старлей хорошо известен на флоте — ему в свое время присвоили почетное прозвище Полундра. И сложно поверить польским властям, будто русский офицер спьяну упал в море и угодил под винт судна. А тут еще из далекого Мурманска приходит известие, что Полундра звонил жене уже после того, как объявили о его гибели. Выходит, старший лейтенант жив? Или все это — провокация? Какая? В чем ее смысл? Кому она на руку?..

Содержание

ГЛАВА 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	19
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	26
Глава 9	30
Глава 10	32
Глава 11	34
Глава 12	36
Глава 13	38
Глава 14	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сергей Зверев

Флотское братство

ГЛАВА 1

Отряд кораблей Северного флота, вошедший через Датский пролив в Балтийское море, был сравнительно небольшим. Возглавлял его ракетный крейсер – могучая, немного угловатая громада важно скользила по бирюзовой глади Балтийского моря. За крейсером строгим кильватерным строем шли два эсминца, размерами поскромнее и видом поспокойнее, затем плавучий морской госпиталь с большими красными крестами на бортах.

Завершал же строй сравнительно небольшой корабль, который неискушенный в военно-морских делах наблюдатель и вовсе мог бы принять за гражданское судно, случайно затесавшееся в строй грозных боевых кораблей. В отличие от остальных, плывущих серыми громадами на нежно-бирюзовом морском просторе, это судно вовсе не несло ни какой-нибудь брони, ни вооружения.

Расположенный на юте, в кормовой части судна мощный гидравлический кран с лебедкой придавал ему тем более мирный, гражданский вид. Зато над командирской рубкой располагалось несколько мощных, необычной формы радаров, непрерывно вращающихся вокруг своей оси, радиомачта и тарелки спутниковых антенн. Все это столь внушительного, серьезного вида, что напрочь отметало подозрения о гражданской, мирной функции этого небольшого судна.

Этот шедший последним, скромный на вид корабль являлся гидрографическим судном Северного военно-морского флота России.

Задачи этого судна, казалось бы, имели скорее научный, чем военный характер. Потому что гидрография занимается измерением и описанием всех, какие только есть, водоемов нашей планеты, составлением карт, лоций, таблиц приливов и отливов, промерами морских глубин, измерениями направления и скорости морских течений – то есть всем тем, что обеспечивает безопасность морского и речного судоходства и уверенность, что судно, вышедшее в плавание, благополучно и без приключений доберется до места своего назначения. Отсюда и задачи гидрографических судов сводятся в первую очередь к промерам морских глубин, съемкам береговой полосы, наблюдениям за приливами и отливами, всем тем, что потом заносится на карты и в лоции. Однако на деле принадлежащие ВМФ гидрографические корабли выполняют, по сути дела, разведывательные задачи. Мощный локатор такого судна позволяет обнаружить любой летящий или плывущий под водой объект, гидроакустические посты фиксируют бесчисленные звуки океана далеко за пределами возможностей человеческого уха, а мощные эхолоты, подводные сканеры и магнитометры позволяют с огромной точностью «видеть» морское дно, как бы глубоко оно ни находилось.

Понятно, что на таком судне не могут плавать простые морские офицеры и матросы. На гидрографическом судне Северного военно-морского флота, что двигалось теперь в строгом кильватерном строе по бирюзовой глади Балтийского моря, служили великолепные специалисты: акустики, электронщики, океанологи. Однако главной особенностью этого корабля, его особой гордостью являлась приписанная к нему в качестве штатного экипажа группа боевых пловцов Северного флота, настоящий морской спецназ, люди исключительно высокой физической и специальной подготовки, способные на выполнение любых задач в море и на суше. Группой боевых пловцов, состоявших исключительно из офицеров ВМФ, командовал старший лейтенант Сергей Павлов, за свой лихой нрав, необыкновенную физическую силу и находчивость в самых трудных ситуациях прозванный на Северном флоте Полундрой.

По характеру он был скорее молчалив, сумрачен, его худощавое обветренное лицо со впалыми щеками и решительно очерченным ртом большей частью было угрюмо и неприветливо. Однако сослуживцы искренне любили и уважали старлея, зная, что за этим мрачным обликом скрывается человек большой и доброй души, всегда готовый прийти на помощь, не пожалеть своих сил и даже рисковать жизнью ради того, чтобы спасти друга.

Однако Полундра и в самом деле был замкнут и неразговорчив, и, даже принимая участие в дружеском застолье, он обычно сидел спокойно, слушал других, но сам отмалчивался. Вот и теперь, на баке, в компании своих сослуживцев, он не принимал участия в общем разговоре свободных от вахты офицеров, но, стоя чуть в стороне, смотрел в бинокль на медленно выплывающий из прозрачной голубой дымки далекий берег.

– Гдыня на траверзе, – объявил наконец Полундра своим низким, немного глуховатым голосом. – Еще около получаса, и войдем в порт...

– Слышь, Полундра, дай глянуть, – оживился один из офицеров, высокий, но значительно моложе на вид, на погонах которого, однако, тоже светились три золотые звездочки старшего лейтенанта.

Полундра молча протянул ему бинокль. Молоденький старлей поскорее ухватился за него, стал с жадностью всматриваться в синеющий вдали берег. Корабли, как это и положено при входе в порт, шли медленно, пятиузловым ходом, но берег все-таки приближался, его очертания становились все четче и определеннее.

– Ага, вижу порт, – говорил, держа бинокль, молоденький старлей. – Вон шпили на кирхах... Красиво! Постройки какие старинные...

– Порт очень старый, Жень, постройки в нем все сплошь архитектурные памятники, – отозвался Полундра. – Немцы хоть и разбомбили его во время Второй мировой войны, но поляки потом снова все восстановили, все дома в точности, какими они были раньше...

– А, ну да, – отозвался старлей Евгений Воронцов, продолжая рассматривать берег в бинокль. – Вторая мировая война ведь отсюда началась, с нападения на Польшу... Но порт, это ведь еще не сам Гданьск?

– Порт – это Гдыня, – пояснил один из стоявших рядом офицеров, капитан третьего ранга Володя Мельников. – А Гданьск в двадцати километрах от него. Там дельта реки Висла... Знать надо географию, старлей Воронцов!

– Да я знаю, – смущенно краснея, отозвался тот. – Просто уточняю, правильно ли я помню то, чему нас в училище научили... Эх, гляньте, ребята! – вдруг возбужденно воскликнул он, снова прикивая глазами к биноклю. – Вон сколько натовских кораблей в порту скопилось, стоят на рейде...

– А как же ты хотел? – негромко отозвался Полундра. – Мы же на совместные учения идем: «Партнерство во имя мира»...

Гданьская бухта меж тем стремительно приближалась, и вскоре стали невооруженным глазом видны серые корпуса военных кораблей НАТО.

– Слышь, Полундра, – отрываясь от бинокля, повернулся к своему командиру старлей Воронцов. – А ты не в курсе, польские корабли собираются участвовать в этих маневрах?

– Собираются, должно быть, – пожимая плечами, отвечал Полундра, – если их корабли в общем строю стоят. Вон, видишь, под бело-красным двухполосным флагом?...

Под польским государственным флагом стояли всего два небольших эсминца, и нужно было как следует всматриваться, чтобы различить их среди военных кораблей других стран.

– Да уж, поляки решили, что большому флоту незачем появляться на этих маневрах, – прокомментировал капитан третьего ранга Мельников. – Главное, хорошо принять гостей...

Отряд российских кораблей тем временем приблизился вплотную к акватории порта. Заходя на рейд, суда как один сбавили ход, пошли медленно, осторожно.

Внезапно с капитанского мостика на бак сошел еще один офицер с погонами капитана второго ранга, командир гидрографического судна Никита Карамышев.

– Ну что, орлы, берегом любуетесь? – спросил он, подходя к группе своих офицеров.

– Любуемся, командир, – отозвался старлей Воронцов. – Интересно, куда же нас теперь служба занесла.

– На берег хотите?

На мгновение возникла смущенная пауза.

– Что за вопрос, товарищ капитан второго ранга! – ответил наконец кто-то из офицеров.

– Ну что же, – Карамышев кивнул. – Принимающая сторона списки увольняющихся офицеров утвердила. Как войдем в порт, все, кто в них включен, свободны...

– Спасибо, командир! – лица тех офицеров, чьи фамилии в списках были, расплылись в довольной улыбке.

– Только имейте в виду, – продолжал он, – на берегу вести себя прилично. Как-никак вы все-таки представляете честь российского военного флота. По вашему поведению обо всей России будут судить...

– Да поляки и без нас хорошо думают про Россию, – сердито пробурчал капитан третьего ранга Мельников. – По их мнению, все русские мужики уголовники, а все русские женщины отъявленные проститутки с полным букетом венерических заболеваний. Так что мы тут мало что можем изменить...

– Запрещаю иметь такие мысли! – жестко отчеканил командир судна. – Вы что же, думаете, что если о России думают всякие мерзости, так, значит, у вас руки развязаны, вы можете вытворять здесь все, что захотите?

Капитан третьего ранга Мельников обиженно отвернулся.

– Предупреждаю всех со всей серьезностью, – продолжал командир судна. – Во-первых, по зланным местам не ходить! Поймите, их тут много, а денег вам выдано в обрез. Так что если хотите домой подарки привезти, то лучше вовсе туда не заглядывайте: а то без штанов останетесь, голыми на родное судно возвратитесь.

Офицеры сдержанно ухмылялись, но никто ничего не возразил.

– А во-вторых, – продолжал Карамышев, – на берегу сильно не напиваться и не дебоширить. Особенно тебя, старлей, это касается! – и командир гидрографического судна устремил требовательный взгляд на Полундру. – Я, конечно, понимаю, ты среди нас, можно сказать, ветеран, на этом судне единственный из прежней команды остался... – он осекся, чувствуя, что неудачно затронул не самую приятную для всех тему. – Тем не менее драк в кафе постарайся не устраивать. Имей в виду, здесь тебе не Россия, одним сидением на губе дело не ограничится!

Кавторанг Карамышев направился обратно к капитанскому мостику, потому что заход в порт и швартовка были ответственнейшими морскими операциями, и присутствие при этом командира было обязательно.

Мгновение Полундра сумрачно смотрел вслед своему командиру, потом отвернулся, устремил взгляд на редкой красоты панораму порта Гдыня, которая раскрывалась перед ними.

На корабле поговаривали, что командир Карамышев и Полундра не ладят между собой. На самом деле это было несколько преувеличено, ни разу между ними не было замечено пререканий, и Полундра при всяком командирском обращении к нему демонстрировал готовность подчинения. Однако все чувствовали, что настоящих доверительных отношений между ними нет. А в море, тем более на военном судне, без хороших отношений между командиром и его офицерами приходится трудно, ничто так не выматывает во время долгого плавания, как атмосфера подозрительности и настороженности в отношениях ближайших сослуживцев. Впрочем, надо сказать, что несколько отчужденные отношения у Полундры были практически со всеми офицерами из нового экипажа гидрографического судна, исключение составлял только старлей Воронцов, с которым Полундра делил каюту и общался больше других.

Глава 2

Улица Маршалковская в Варшаве в каком-то смысле является аналогом Тверской в Москве. Точно так же она находится в самом центре польской столицы, точно так же расположены на ней бесчисленные бутики, небольшие, но дорогие магазинчики, рестораны, кафе и стриптиз-бары, точно так же шляются по ней денно и ночью толпы туристов. Однако, кроме магазинчиков и кафе, на этой улице находится небольшой стильный домик в барочном стиле, под высокой черепичной крышей. Домик этот почти не привлекает внимания туристов, а многочисленные видеокамеры слежения, расположенные на консолях, способен заметить только искушенный в таких делах глаз. В этом домике помещается центральный офис Службы государственной безопасности Польши, или по-польски «службы бязыпеки», подобно советскому КГБ, в свое время наводившей ужас на польских диссидентов. Теперь же, с приходом к власти новых политических сил, задачи и стиль работы этой организации кардинально изменились.

В одном из кабинетов центрального офиса напротив друг друга сидели двое сотрудников службы бязыпеки. Получившие образование и сделавшие карьеру в социалистические времена, эти люди прониклись тем большей русофобией после развала своего грозного восточного соседа, чем громче кричали совсем недавно о своей верности делу социализма и дружбе с русскими. Политике и в первую очередь взаимоотношениям с Россией была посвящена и теперешняя их беседа.

– Когда Иосиф Сталин присоединял Восточную Пруссию к СССР, он не мог предполагать, что в свое время эта территория может оказаться костью в глотке у русских...

Бригадный генерал Юзеф Пржезиньский, один из руководителей службы бязыпеки, говоривший эти слова, был пожилой, седовласый, но физически крепкий и очень красивый в своей старости мужчина. Рубленые морщины, прорезывающие его строгое, худощавое лицо, придавали ему колоритность, которая по-прежнему должна была привлекать к себе внимание прекрасного пола, внимание, которым генерал едва ли был обделен в свои молодые годы. Его собеседник, капитан службы бязыпеки Стасевич, был моложав, плотного телосложения, волосы на его крупной голове начали редеть прежде времени, выбритое до синевы лицо было пухлым и с явными следами начинавшейся обрюзглости. Одет он был в штатское.

– Конечно, – согласился он. – Разве Сталин мог предполагать, что созданная им великая держава когда-нибудь возьмет да и развалится! Теперь, после распада СССР, Калининградская область оказалась отрезанной от основной России, и для всех велико искушение оттяпать у русских еще и этот кусок их территории. Кстати сказать, очень богатый кусок с высокоразвитой экономикой, ненамного уступающей западным странам.

– С этим мы опоздали, – не без сожаления заметил генерал Пржезиньский. – Русский медведь проснулся и сообразил, что у него по клочьям выдирают шерсть из шкуры. Теперь за каждый клочок он будет драться изо всех сил.

– Зато в нынешней ситуации Калининградская область стала неплохим средством давления на Москву, – возразил Стасевич. – Русские желают иметь для своих граждан беспроблемный транзит с одной части территории страны в другую, и их желание вполне справедливо. Только в политике руководствуются не справедливостью и всякими там этическими нормами, а прежде всего своей выгодой. Каждая страна старается извлечь из создавшейся ситуации максимальную пользу для себя.

– Из этой ситуации ничего не извлекаем мы, – возразил генерал Пржезиньский. – К большому нашему сожалению, транзиты русских не проходят по территории Республики Польша...

– Так что нам нечего перекрывать, запрещать, ужесточать пропускной режим, – с усмешкой заметил Стасевич. – Действительно, обидно. Всю выгоду от транзита в Калининградскую область и обратно получает Литва, она за свое разрешение безвизового проезда может требо-

вать с русских, что захочет. А на нашу долю достаются только неприятности от такого соседства. Ведь именно через Калининград идет основной поток незаконных мигрантов в Польшу, причем самого криминального свойства.

– Со стороны миграционных служб самым простым было бы ужесточить визовый режим, – заметил генерал Пржезиньский. – Чем меньше русского мусора попадет на польскую землю, тем лучше. Однако просто так ужесточать его в МИДе бояться, не хотят раздражать соседа.

– Тем более что наш президент взял решительный курс на сближение с Москвой, – Стасевич усмехнулся. – В конце концов, из сотрудничества с русскими можно извлечь определенную пользу. Газ, нефть, алюминий, древесина – ради всего этого иногда стоит растянуть губы в дружественной улыбке.

– Но от русских людей мы должны держать ворота на запоре, – сурово возразил ему генерал. – И здесь миграционные службы ждут помощи от нас с вами! МИД не может ужесточать визовый режим без всякой видимой причины, это будет расценено как недружественный акт. А осложнения отношений с Москвой теперь допускать нельзя. Дело нужно выставить так, будто русские сами виноваты в том, что мы принимаем меры предосторожности. Одним словом, нам нужна хорошая, грамотно проведенная провокация. Есть у вас разработки в этом направлении?

– Конечно, пан генерал! – Стасевич улыбнулся, открывая кожаную папку, которую держал на коленях.

Генерал Пржезиньский коротко кивнул, наблюдая, как его подчиненный раскладывает перед ним на столе подробную карту Балтийского моря с грифом «Совершенно секретно».

– Прошу взглянуть, – ткнул Стасевич пальцем в несколько небольших значков. – На натовских картах, которые нам предоставили наши друзья в Брюсселе, этих объектов нет. Не знают про них и в бундесвере. А на секретных картах Организации Варшавского договора времен Герека и Ярузельского нужные объекты обозначены.

– Откуда?

– По дружбе от Москвы, – Стасевич усмехнулся. – Русские в свое время захватили военные архивы в Кенигсберге. Впрочем, сама эта операция проводилась силами Балтийского флота. От социалистической Польши у Москвы секретов не было... Как видите, один из объектов совсем близко от Гдыни...

– Это хорошо! – сказал генерал. – Что дальше?

Усмехнувшись, Стасевич снова полез в папку, извлек оттуда пачку фотографий.

– Отряд кораблей Северного флота России уже вошел в Гданьский порт, – сказал Стасевич. – Ракетный крейсер, два эсминец, госпитальное судно и, обратите особое внимание, гидрографическое судно.

– Покажите!

Капитан Стасевич развернул перед генералом пачку фотографий на манер карточной колоды, разложил на столе.

– Наш военно-морской атташе в Москве неплохо поработал, – заметил Стасевич. – Информация исчерпывающая, насколько это можно устроить, не вызывая дипломатического скандала. Фотографии кораблей, офицеров, их имена. Есть имена и экипажей всех судов и полный список вооружений. Так что недостатка в нужных сведениях нет.

– На кого из них мы делаем ставку?

– Вот, извольте взглянуть! – ловким движением Стасевич извлек из пачки одну из фотографий. – Старший лейтенант Сергей Павлов, служит на гидрографическом судне.

Генерал сосредоточенно посмотрел на изображенного на фотографии Полундру в парадном кителе и с торжественно застывшей суровой физиономией. Потом посмотрел на своего подчиненного с сомнением.

– Вы уверены, что это хороший выбор? – спросил он. – Всего лишь старший лейтенант, и служит он только лишь на гидрографическом судне... Не кажется ли вам более целесообразным использовать для нашей провокации более высокопоставленного офицера? Командира одного из эсминцев, например... Чем старше чин, тем больше будет урон для русских.

– Осмелюсь возразить, генерал, – Стасевич самоуверенно улыбнулся, – считаю старшего лейтенанта Павлова наиболее подходящей для нас кандидатурой. Так долго задержался в низших чинах он по собственной глупости: увольнялся из флота, чтобы плавать на гражданском судне, потом опять пожелал служить... Такие метания на карьере сказываются самым скверным образом...

– Разве для нас не целесообразнее использовать более заметную фигуру на русском флоте?

– Более заметную, чем старшего лейтенанта Павлова, мы просто не найдем, – убежденно сообщил Стасевич. – Павлов, он своего рода знаменитость на Северном флоте, кавалер ордена Мужества, неоднократно получал награды и поощрения от командования флота. Понимаете, пан генерал, это не простой морской офицер, а командир группы боевых пловцов Северного флота, структуры, подчиняющейся непосредственно контрразведке штаба флота.

– Контрразведке флота? – переспросил генерал Пржезиньский. – Ну если так, то это очень хорошо.

– Видите ли, – Стасевич усмехнулся, – про этого Павлова на флоте байки ходят самые невероятные. Будто бы однажды он освободился из наглухо закупоренной нефтяной цистерны на заброшенной норвежской буровой платформе в открытом море... Я думаю, нам нет необходимости верить всем этим историям. Павлов не Дэвид Копперфильд, его задачи не фокусы показывать. Однако его популярность на флоте нам на руку. У него даже неформальная кличка есть: Полундра... Говорят, характером он горяч, много раз попадал в разного рода сомнительные переделки с мордобоем и членовредительством, получал дисциплинарные взыскания. Как-то раз устроил совершенно дикую драку в ресторане, так что несколько человек угодило в больницу с переломанными ребрами и выбитыми зубами...

– Вот как? Действительно, горячая голова!

– Очень горячая, – согласился Стасевич. – Тогда на него даже дело было заведено, и, чтобы уйти от уголовного преследования, Павлов и вынужден был уволиться из флота... Как вы понимаете, вся эта дурная слава как раз то, что нужно нам для нашей провокации.

Генерал, соглашаясь, кивнул.

– Что еще?

– Старший лейтенант Павлов – великолепно обученный водолаз, – продолжал Стасевич. – Погружения с аквалангом вплоть до предельных глубин... Я вот тут узнавал его физические данные, это настоящий русский богатырь...

– Смотрите, как бы он вам самим кости не переломал, этот богатырь, – хмурясь, заметил Пржезиньский. – Палка-то о двух концах...

– Не беспокойтесь, пан генерал, наши ребята тоже кое-что умеют.

– Для нашей операции нужно выбирать человека, на которого имеется надежный способ оказать необходимое давление, – заметил генерал. – Есть ли такой способ в отношении Павлова? Если нет, на мое согласие использовать его в операции не рассчитывайте!

– Я бы не стал предлагать вам кандидатуру старшего лейтенанта Павлова, если бы не имел способа заставить его плясать под нашу дудку! – улыбаясь, заметил Стасевич. – Такой способ есть. И я уверен, он сработает прекрасно. Так что вам остается только отдать приказ о начале операции.

Генерал службы бязьпеки Пржезиньский, окинув своего подчиненного внимательным взглядом, снова взял в руки фотографию Полундры, принялся сосредоточенно изучать черты лица русского офицера, будто собирался таким образом проникнуть в его душу. Агент СБ

Стасевич сидел рядом, и, несмотря на не сходящую с его лица самоуверенную улыбку, было заметно, как он нервничает, ожидая окончательного решения своего начальника.

Глава 3

Окна типовой пятиэтажной «хрущобы», где жила семья старлея Сергея Павлова по прозвищу Полундра, выходили на юг, и в середине дня низко висящее на северном небе солнце заглядывало в них, освещая пространство небогатой, но чистенькой и ухоженной комнаты теплым золотистым светом, его ослепительные лучи падали на стоявшую около стены детскую кроватку. Лежащий в кроватке маленький мальчик, почувствовав свет на своем лице, заворочался во сне, промычал что-то недовольное. Его мама, высокая белокурая красавица, встала, направилась к окну и задернула было занавески. Однако ребенок уже проснулся, заворочался.

– Мам, а где папа? – внезапно проговорил он, по-детски растягивая слова.

– Папы нет, он уехал. Спи, Андрюшенька, спи!

Но юный Андрей Павлов не хотел больше спать.

– Мам, – снова заговорил он, – а папа когда вернется?

– Не знаю, сыночек, – отвечала мать. – Папа ушел в дальнее плавание. Он у тебя военный моряк, ты знаешь это?

– Да, – последовал ответ. – Он пошел в море воевать с натовцами.

Наталья Павлова грустно улыбнулась словам своего сына, погладила его по золотисто-белым, как и у нее самой, волосам. Пробормотала ему на ушко: «Спи, спи...» – и ребенок и в самом деле закрыл глаза и стал дышать ровнее. Мать некоторое время глядела на него, потом осторожно встала и подошла к окну, отодвинув край занавески, выглянула наружу. Из окна расположенной на самом верхнем, пятом этаже их квартиры были видны бухта, порт, причалы и стоящие возле них военные корабли.

Военный человек не принадлежит самому себе, это всем известно. Когда ее муж Серега Павлов восстанавливался на службу во флоте, его снова взяли на то же самое гидрографическое судно, где он служил и раньше. Однако через некоторое время судно перевели на другую военно-морскую базу, в другой приморский городок, так что Полундра вместе с семьей был вынужден переезжать на новое место жительства. Там, грешно обижаться, дали им новую квартиру, не хуже, чем у других, однако рядом не было ни его родителей, ни ее отца. Некому было помочь в уходе за ребенком. Сергей, получавший совсем не такую уж большую зарплату, все-таки решил, что Наташа не будет пока устраиваться на работу, а только сидеть с ребенком, воспитывать его. Сама она понимала справедливость такого решения, но сидеть дома и ничего целыми днями не делать ей было скучно, тем более что ее маленький сын рос здоровым и доставлял своей молодой маме совсем немного хлопот.

Телефонный звонок заставил Наталью Павлову вздрогнуть, ее маленький сыночек также проснулся, заворочался в кроватке, открыл глаза.

– Так, Андрюша, лежи тихо, – сказала Наташа, задерживая занавеску и направляясь в соседнюю комнату, где находился телефонный аппарат. – Лежи и не мешай мне. Быть может, это папа звонит...

Пройдя в соседнюю комнату и бережно затворив за собой дверь, она взяла трубку.

– Наташа?

– Сережка? – лицо жены старлея Павлова озарилось радостной улыбкой. – Ну, слава богу! А то я уж начала беспокоиться... Как добрались?

– Нормально, – в голосе старлея Павлова слышались оживление и радость. – Я уже в Польше, в Гдыне, звоню с местного переговорного пункта...

– С тобой все в порядке?

– А что со мной может быть не в порядке? – искренне удивился Полундра. – Обычная прогулка по морю, никаких боевых задач нам не ставят. Что со мной может здесь случиться?

– Ты знаешь, у меня нехорошее предчувствие было по поводу этой поездки... Я просто не хотела говорить тебе. Я думала, это пройдет. Но нет, теперь вот места себе не нахожу...

– Это ты просто скучаешь без меня! – с весельем в голосе отозвался Полундра. – И хочешь, чтобы я поскорее вернулся домой. Говорю же тебе, что здесь все нормально, случиться просто нечему!

– Но ты ведь будешь осторожным, правда? – проговорила Наташа Павлова. – Ты не будешь ввязываться в какие-нибудь драки?

– Что ты, нет, конечно! Да и особенно некогда: увольнительная на четыре часа, вечером надо быть уже на судне. Говори, что тебе привезти в подарок. Здесь столько всего в магазинах...

– Да господи, ничего мне не надо! – отвечала Наташа. – Сам вернись живым и здоровым. А все остальное мелочи...

– Да брось ты это, Наташка! – беззаботно рассмеялся Полундра. – Мы в порту дружественной страны, кругом цивилизованные люди.

– Да, да, конечно...

– Как Андрюшка?

– Великолепно! Только что вспоминал про тебя. Теперь вот уснул.

– Поцелуй его за меня, – сказал Полундра. – Все, пора мне, кончаю разговор, а то ребята ждут...

Глава 4

Капитан третьего ранга Владимир Мельников, как старший по званию, решил, что он и должен быть гидом для своих друзей-офицеров при осмотре польского портового городка, хотя сам он так же, как и все остальные, оказался здесь впервые в жизни.

– Имейте в виду, товарищи офицеры, – полушутя, полусерьезно продолжал он, – что русских во всем мире считают отъявленными пьяницами и дебоширами, у нашего народа в этом смысле скверная репутация. А в Польше особенно. Потому что мы, как сами знаете, соседи. Но это не значит, что нам откажут в каждом местном кафе и что в этом городке нельзя как следует напиться за не самые большие деньги!

– А тут есть что пить-то? – спросил кто-то из офицеров. – Я имею в виду, что-нибудь пооригинальнее. Нашей русской водки мы и дома напьемся!

– Из спиртных напитков, – авторитетно отвечал Мельников, – я очень рекомендую пиво «Дайлиды», водку «Выборова». Еще есть «Зубровка», но это уже на любителя. Она зеленого цвета, как муть болотная, потому что настояна на какой-то траве, от этого вкус у нее очень своеобразный, пряный, не всякому понравится...

– А пиво «Козил»? – спросил старлей Воронцов. – Я слышал, это тоже классная штука...

– Пиво «Козил» чешское, – авторитетным тоном возразил капитан третьего ранга.

Полундра, шедший вместе со всеми, рассеянно прислушивался к веселой болтовне своих товарищей по службе. Признаться, он чувствовал себя неуютно в этом городе, облик его, сам по себе необычный, как бы средневековый, странным и непонятным образом нервировал его. Все эти узкие улочки, высокие, тесно друг к другу прижимающиеся странного вида здания, вымощенные булыжником тротуары... Все это создавало впечатление, будто они идут по какому-то исполинскому музею, по особому рода внушительных размеров дворцу, но никак не по реальному городу, где на самом деле живут и работают люди.

Полундра и сам не мог понять, что за состояние овладевает им. Непонятная, из самой глубины души поднимающаяся тревога все отчетливее ощущалась в душе, разрасталась, терзала. Вроде бы не однажды приходилось ему смотреть в лицо опасностям, неоднократно оказывался в труднейших, казавшихся безвыходными ситуациях, но особенного страха и тревоги он не испытывал. Здесь же и опасности-то никакой не было, просто старинный, своеобразно выглядящий городок. Однако Полундра очень хотел поскорее оказаться на своем судне, почему, он и сам не мог бы сказать.

Чувство необъяснимой тревоги не покинуло его, и когда вся компания с капитаном третьего ранга Мельниковым во главе направилась в «пивницу», небольшой, весьма заурядно выглядящий кабачок, расположенный в подвале одного из старинных домов. Полундра собрался уж было последовать за всеми по ведущей вниз узкой каменной лестнице, как вдруг кто-то окликнул его по имени:

– Серега? Ты? Какими судьбами здесь?

Обернувшись, Полундра мгновение всматривался в радостно улыбающееся лицо стоявшего перед ним человека. На вид он был ровесник Полундры, чуть моложе тридцати лет, осанка и могучее телосложение выдавали или спортсмена, или отставного офицера, а обветренное лицо указывало на его принадлежность к профессии моряка. Вместе с тем тип лица у этого человека был совершенно польский. Несмотря на весь свой иностранный вид, по-русски этот человек говорил без малейшего акцента

– Славка! Ах, черт полосатый! – Полундра радостно схватил руку поляка, они обнялись. – Ты-то здесь что делаешь?

Глядя на Полундру, Славка усмехнулся.

– И он еще спрашивает! – весело сказал он. – Я, Серега, в этом городе живу, вот уже три года. У меня здесь жена, квартира, работа.

– Да ну! – удивился, но как-то без особого энтузиазма Полундра. – А я-то думал, ты на Балтийском флоте служишь...

– Нет, как видишь, – его собеседник вдруг несколько смутился. – Слушай, я ведь, между прочим, тебя специально искал...

– Меня? – удивился Полундра.

– Ну конечно! – снова улыбнулся Славка. – Шел вот так по улицам и думал: а вдруг встречу. Я же знаю, вас в увольнительную должны отпустить, если завтра уже на маневры выходить должны...

– Ну да, – отозвался Полундра. – А ты откуда про все это знаешь?

– Так об этом уж давно весь город знает, голова! Наше телевидение еще утром показало, как вы всем отрядом в порт входите. И я тебя видел, как ты на своем гидрографическом судне на баке возле самых якорных клюзов стоишь... Картинка! Прямо морской волк.

Славка расхохотался, хлопая Сергея Павлова по его богатырскому плечу.

– Слышь, старлей, – весело продолжал Славка. – Твои товарищи все равно ушли, – он кивнул в сторону «пивницы», куда скрылись сослуживцы Полундры. – Так что пошли вон в то уличное кафе. Посидим, поболтаем, вспомним молодые годы...

Полундра кивнул и последовал за своим другом в небольшое летнее кафе, столики которого были выставлены прямо на тротуар, сверху их защищал от дождя и яркого солнца широкий тент. Усевшись за столик и усадив Полундру, Славка первым делом заказал бутылку «Выборовой», колбасу, маринованную салаку на закуску. По тому, с каким уверенным видом он обращается с барменом, было ясно, что Славка здесь завсегдатай.

– Ну давай, Серега, за встречу, – наливая по рюмке, сказал он. – На сухую, знаешь, старые друзья не беседуют. Верно?

Полундра опрокинул рюмку польской водки себе в глотку, машинально поморщился, удивляясь своеобразному, нерусскому ее вкусу. Задумчиво посмотрел на аккуратно разложенные на тарелке кружочки краковской колбасы, подцепив один, стал медленно жевать.

– Ну, Серега, не сиди, не молчи, как партизан, – с усмешкой проговорил Славка, с радостной симпатией поглядывая на своего старого друга. – Давай рассказывай, как тебе здесь нравится. Когда на берег-то сошел?

– Два часа назад, – отвечал Полундра.

– Да ну? – удивился его собеседник. – Ты уже два часа на берегу и до сих пор трезвый, как родниковая вода? Ну, знаешь! Теряешь квалификацию, старлей! Давай-ка вот, выпей...

Они выпили еще по рюмке. Полундра чувствовал, как загорается кровь в его жилах. Требование командира не напиваться на берегу звучало в его ушах, но и своего старого друга и однокашника обижать было нельзя.

– Слушай, Славка, – начал, обгрызая костистый кусок вяленой трески, Полундра. – Ты про маневры Россия – НАТО «Партнерство во имя мира», что должны начаться как раз в эти дни, слышал?

– Ясное дело, – отвечал Славка. – Я же говорю, об этом польские СМИ за две недели шум подняли, даже слушать надоело. Но вот о том, что это совместные учения вместе с Россией, до сих пор не было ни слова. Только сегодня стало об этом известно, когда ваш отряд показали, как он становится на Гданьский рейд. Кстати, давай еще по одной! – беспечно рассмеялся Славка, наливая еще по рюмке. – Или ты пить разучился? От пары бутылок у настоящего русского моряка даже голова не закружится!

Полундра вздохнул, но не стал спорить, опрокинул рюмку себе в глотку, стал зажевывать ее куском трески.

– Так ты, значит, так на Северном флоте и служишь, – констатировал Славка. – Стало быть, такой же нищий, как и я сам когда-то был...

– Нищий? – Полундра нахмурил брови, но ничего не возразил. Немного помолчав, спросил: – А что, сейчас ты богатый?

– Ну не то чтобы очень уж богат, – раздумчиво заявил Славка, – но гроши от зарплаты до зарплаты не считаю! И в супермаркет хожу не облизываться, а покупать все, что мне нужно.

Он снова налил по рюмке.

– Ты тут уже три года живешь, – снова заговорил Полундра. – Решил стать эмигрантом и поселиться здесь надолго?

– Да, насовсем, – Славка серьезно кивнул. – Вид на постоянное жительство имею, через месяц пойду получать «обыфатэльстве польске»...

– Что? Обывательства? – не понял Полундра.

– Ну, так на нашем языке «польское гражданство» называется.

– Ах, ну да, ты же этнический поляк, – кивнул Полундра. – Помнишь, как в училище у тебя из-за твоей необычной фамилии неприятности были? Помнишь, как на одном из экзаменов председателя комиссии со стороны пригласили... Отставной контр-адмирал, старый пердун. Увидел твою письменную работу, да как рявкнет на всю аудиторию: это какой дурак себя по имени-отчеству подписал? Станислав Климкович! А ты встал тогда, сам весь бледный, глаза сверкают, и говоришь: в польских именах ударение делается обычно на предпоследний слог. Все вокруг ржут, этот контр-адмирал хренов глазами хлопает, ничего не понимает. Я уж испугался тогда за тебя, подумал, что он вот сейчас еще что-нибудь ляпнет и ты кинешься ему морду бить. Вид у тебя был такой, что ты на все готов. Тогда б кончилась твоя карьера морского офицера, так и не начавшись...

– И плевать, и хрен был бы с ней, с этой карьерой, – с горькой усмешкой отозвался Славка. Однако было видно, что воспоминание о том давнем происшествии доставило ему немало удовольствия. – И не стал бы я моряком, ничего бы не потерял. Что нам, морякам, деньги, что ль, платят приличные? Работаем до изнеможения, месяцами дома не бываем, жизнью своей рискуем... А живем как нищие. Вот я, на Балтийском флоте служил, получил под конец три звездочки старшего лейтенанта на погоны, как и ты. И что толку? Как был нищим мореманом, так и оставался бы им до сих пор...

– Так ты почему ушел из флота? – спросил Полундра.

– Когда Балтийский флот сокращать стали, рапорт написал, – отвечал Славка Климкович. – Надоело наяривать до потери пульса за нищенское жалованье, пожить по-нормальному захотелось хоть немного.

– И куда подался?

– Стал челноком в Польшу ездить, на «Стадионе» отоваривался...

– На «Стадионе»? – удивился Полундра.

– Рынок так в Варшаве называется, специально для иностранцев, – отвечал Славка Климкович. – Неужели не слыхал?

– Да откуда? – пожал плечами Полундра. – От нашей базы до Варшавы далеко, из наших никто никогда и не бывал там...

– Ну вот, – продолжал Славка. – Денег поднакопил, стал обустриваться... С одной девушкой в Варшаве познакомился, полькой... Она по-русски немного знала, я, пока челноком взад-вперед мотался, язык предков вспомнил... Женился на ней, второй год пошел... Теперь вот жду получения «обыфатэльства»... Тянут наши польские бюрократы время. Ты для них хоть трижды поляк по своим родителям, но раз в России жил и был там гражданином, значит, случай особый... Ладно, ну их на хрен! – оборвал сам себя Славка. – Давай-ка мы еще по одной, – он снова налил, – и я еще бутылку закажу...

– Нет, не надо, Славка, – Полундра отрицательно покачал головой. – Я же в город сошел не для того, чтобы напиться как свинья... Да и увольнительная скоро кончается. Нам командир строго приказал никаких пьянок здесь не устраивать. Мы здесь, так сказать, держим честь и достоинство Российского военного флота.

Мгновение Климкович смотрел на своего бывшего однокурсника озадаченно, готовый вот-вот обидеться, потом откинулся на спинку стула и от души расхохотался.

– Эх, служивый! – иронически воскликнул он, хлопая своего друга по плечу. – Ни выпить тебе лишнего, ни посидеть в кафе сколько хочется! Старого друга встретил, и даже поболтать с ним как следует у тебя времени нет.

Полундра смущенно улыбнулся. С одной стороны, Славка Климкович был, конечно, прав, если уж они встретились, то надо посидеть как полагается. Но и командир был строг, его приказ надо было выполнить. Если уж пить, надо пить аккуратно, решил Полундра. И ни в какие драки не ввязываться!

– Давай еще по одной, – Климкович в который уже раз наполнил рюмки. – За то, чтобы ваши учения прошли удачно и без инцидентов...

Они выпили. Полундра подцепил с тарелки мелкий грибок, плававший в густом темно-коричневом соусе, сунул его в рот, стал рассеянно глядеть по сторонам. В открытом кафе, расположенном прямо на тротуаре узкой улочки, стало вдруг шумно: какой-то большой грузовик с длинным полуприцепом пытался объехать припаркованный неподалеку от кафе «Полонез» желтого цвета, скромную польскую малолитражку, аналог российских «Жигулей». Грузовик зацепился за бордюр задним колесом своего длиннющего полуприцепа и застрял. Высунувшись из окна кабины, водитель стал говорить что-то сидящим в «Полонезе» людям, показывая на укрепленный рядом дорожный знак. Однако те никак не реагировали и не показывались из машины. Вот к ним направился возникший непонятно откуда полицейский, склонился было к опущенному оконному стеклу «Полонеза», но сидящий там мужчина показал полицейскому нечто, и тот, кивнув понимающе, отошел прочь. Стал показывать рукой водителю застрявшей фуры, что тот должен немедленно убираться отсюда. Водитель, в свою очередь, вытаращил глаза, потом покачал головой, стал осторожно пятиться со своим грузовиком назад, поняв, что иным способом выбраться из ловушки не получится. Желтый «Полонез» при этом остался стоять на месте.

– Черт знает, что теперь в Польше делается, – усмехаясь, сказал Славка Климкович, также наблюдавший за этой сценой. – Все стали хозяевами, никто никому не подчиняется.

– Прошу пане, – сказавший это бармен вежливо склонился над их столиком. – Не желают ли панове еще чего-нибудь выпить? Есть великолепный коньяк...

– Нет, спасибо, – отвечал Полундра. – Нам уже этого достаточно.

– Давай, Серега, не дури! – воскликнул Славка Климкович, ставя предложенную небольшую, емкостью в четверть литра бутылочку на стол. – Что мы, дети малые? Одной бутылкой водки должны закруглиться? Так несолидно!

Полундра понял, что отказываться бесполезно, позволил налить себе рюмку коньяку, чокнувшись с однокурсником, вылил ее себе в глотку. Коньяк оказался великолепнейший, и Полундра не удержался от еще одной рюмочки, то же самое сделал и его польский друг. Потом с сожалением посмотрел на опустевшую чекушку, крикнул бармену:

– Пан бармен! Еще один коньяк!

Бармен уже спешил с новой бутылочкой.

Опустошив и эту чекушку, двое друзей некоторое время сидели молча и расслабленно, чувствуя, как жар и сладостная истома разливаются по жилам.

– Так-то вот! – проговорил наконец Славка Климкович. – Вернешься в свой Североморск, будешь вспоминать, чем тебя в Польше угощали. Или ты, может быть, вовсе не будешь

возвращаться, а? – он лукаво подмигнул Полундре, загребая с тарелки остатки колбасы и запи- хивая ее себе в рот.

– Ты рехнулся? – воскликнул Полундра. – Хочешь, чтобы я дезертировал с корабля прямо в первой же увольнительной, для того и напиваешь?

– Да ну, брось! – откинувшись на спинку стула, Славка Климкович расхохотался. – Никто тебя не напивает. Мы просто пьем, как старые друзья...

Полундра отчетливо видел, как его собеседник начинает хмелеть. У него самого голова слегка кружилась, чего прежде с ним не бывало. «Стареть, наверное, начинаю!» – не без грусти думал он.

– А вообще, зря, – проговорил Славка.

– Что зря?

– Жалко, что ты такой принципиальный, – с пьяной гримасой на лице отозвался тот. – Бросал бы ты эту военную службу на хрен да ехал бы сюда. Здесь водолазы такого уровня, как ты, позарез нужны.

– А ты откуда это знаешь?

– У меня дайвинг-клуб в Гдыне, – отвечал Славка. – Состоятельных поляков обучаю подводному плаванию, погружениям, обращению с аквалангом. Выдаю сертификаты тем, кто успешно прошел курс... Доходное дело, кстати сказать, живу, не жалуюсь...

– Местных толстосумов учишь под воду нырять? – иронически переспросил Полундра. – Да уж, достойнейшее дело...

– А твое лучше, что ли? – обиженно вскинулся Климкович. Он был заметно пьян. – Плаваешь ты на драной посудине под Андреевским флагом, деньги только во сне видишь. Чем ты лучше меня? Бросал бы ты, Серега, дурью маяться, ей-богу! Подавался бы ко мне. Не сейчас, через месяц, когда я буду полноправным польским гражданином. Тогда я тебе здесь местечко устрою, не пожалеешь. Лучше уж на гражданке жить, но достойно, чем на военном флоте от голода лапу сосать...

Полундра посмотрел на часы, от головокружения их стрелки прыгали у него перед глазами.

– Все, Славка, мне пора на судно, – сказал, собираясь встать, Полундра. – Надо бы еще пройтись немного, чтобы не пьяным как свинья вернуться...

– Успеешь, пройдешься, – Славка Климкович усадил Полундру обратно на стул. – Давай- ка еще выпьем. Мне тот коньяк понравился, хочу еще бутылку...

И Климкович, поднявшись из-за стола, нетвердыми шагами направился к стойке бара, Полундра остался сидеть на месте. Он с изумлением наблюдал, как его бывший однокурсник, не дойдя до стойки, остановился, закачался и вдруг улегся на землю в позе смертельно усталого и очень желающего спать человека. Это показалось Полундре странным. Он собрался было встать и подойти к своему другу, посмотреть, что с ним такое случилось. Но непонятно откуда навалившаяся на него блаженная истома и лень стремительно разлились по всему его телу, лишая какого бы то ни было желания шевелиться. Через мгновение голова его бессильно опустилась на грудь, и он заснул крепчайшим, без сновидений сном.

Глава 5

Огненно-золотой диск солнца, сияющий над самой линией горизонта, к вечеру стал словно остывать, его блеск немного потускнел, сделался матовым и мягким. Однако чистота заполярной атмосферы была такова, что, даже находясь у самой линии горизонта, солнце не покраснело, но продолжало светить своим прежним ослепительным светом. Ветер дул с суши, теплый и сухой, погода стояла замечательная. Поэтому Наталья Павлова, жена офицера-спецназовца Полундры, решила прогуляться в парке вместе со своим сыном перед тем, как укладывать его спать.

Взяв Андрюшку за руку, она повела его по немного разбитым тротуарам военного городка, по дороге, ведущей к расположенному неподалеку небольшому лесному массивчику, в котором были прорублены просеки и кое-где стояли скамеечки. Там молодые мамы предпочитали гулять с малышами. Погруженная в свои думы, Наташа Павлова почти не смотрела по сторонам и рассеянно отвечала на приветствия немногих знакомых, встретившихся на ее пути.

На улице сухой и жаркий ветер с суши бушевал вовсю, поднимая тучи пыли, ероша золотистые волосы молодой женщины. Машин вокруг было немного, улица в этот час была практически пустынная, на подходе к лесному массиву тротуары с обеих сторон дороги и вовсе исчезли, так что пришлось идти по самому краю обочины. Поэтому, когда из-за поворота позади нее послышался шум приближающейся машины, Наталья Павлова остановилась, отодвинула своего сына и отошла сама подальше от проезжей части. Однако машина не проехала мимо, а, скрипнув тормозами, остановилась возле нее. Послышался шум открывающейся дверцы, кто-то вышел наружу.

– Вы Наталья Павлова? – услышала она позади себя хриловатый мужской голос.

Наталья Павлова обернулась. Фургон, что остановился около нее, был с черными флотскими номерами, а на человеке, вышедшем из машины и окликнувшем ее, был черный китель военного моряка с погонами капитана третьего ранга. За рулем фургона сидел мужчина в форме мичмана.

– Вы Наталья Павлова? – повторил свой вопрос морской офицер.

– Да, я, – наконец ответила она. – Что случилось?

– Пришла срочная радиограмма от вашего мужа. Приказано доставить вас в штаб соединения...

Наташа немного растерянно посмотрела на стоявшего перед ней флотского офицера.

– Но я с ребенком!.. – возразила было она.

– Это неважно, – отвечал мужчина. – В машине достаточно места.

– Но что случилось?

– Этого я не знаю, – отвечал капитан третьего ранга. – Мне просто приказано доставить.

Прошу вас, садитесь! – И он открыл перед ней заднюю дверцу фургона.

От предчувствия беды у Наташи тоскою сжалось в груди. Если ее, жену флотского офицера, вызывали лично в штаб, значит, с ее мужем случилась какая-то беда. Не размышляя более, она подтолкнула Андрюшку к дверце фургона, и тот с радостью забрался внутрь. Сама она последовала за ним.

Усаживаясь в машину, Наталья Павлова пыталась сообразить, почему лицо этого капитана третьего ранга было ей незнакомо, она была абсолютно уверена, что никогда прежде не видела его. Ведь их военный городок был небольшой, и хотя они вместе с Сережкой недавно поселились в нем, успели познакомиться практически со всеми офицерами и их семьями.

Фургон меж тем взревел мотором, резко тронулся с места. Наталья Павлова ожидала, что они теперь развернутся и снова поедут в сторону центра городка, где находился штаб. Однако вместо этого фургон, стремительно набрав скорость, выбрался за черту города и помчался по

дороге, ведущей к Мурманску. Андрюшка Павлов с выражением восторга на лице смотрел вперед, а сердце в груди его матери снова сжалось нехорошим предчувствием.

– Послушайте, куда вы нас везете? – встревоженно воскликнула она. – Разве Сергей позвонил не в штаб дивизиона?

Ответа не последовало, вместо него Наталья Павлова вдруг почувствовала, как что-то холодное и металлическое коснулось ее подбородка. Вздвогнув, она обнаружила, что человек в форме капитана третьего ранга прижал к ее горлу длинное и тонкое лезвие финки.

– Сиди тихо, детка, – сказал он уже откровенно бандитским, хриплым и неприятным голосом. – Нам приказано быть с тобой вежливыми, но так, чтобы ты не сбежала. Сама понимаешь, если будешь рыпаться, мы за твой товарный вид не отвечаем. А уж за твоего сосунка тем более!

Содрогнувшись от ужаса, Наташа оглянулась на своего сына: тот, ничего не замечая, продолжал восторженно смотреть вперед. Фургон отчаянно трясло на кочках разбитой армейской дороги, несмотря на это, его водитель продолжал давить на газ. Машина мчалась вперед с огромной скоростью, унося Наталью Павлову и ее сына все дальше и дальше от родного дома.

Глава 6

Чайки с заунывными криками носились над волнами акватории порта Гдыня, то и дело стремительно пикируя к мутной воде и на лету выхватывая из волн нечто, что должно было служить им кормом. Это в открытом море чайки питаются мелкой рыбешкой, что имеет глупость подобраться слишком близко к поверхности моря. Портовые же чайки поедают всякую дрянь, которой загажена акватория порта, мусором и пищевыми отбросами, что выкидывают за борт люди.

Вот могучий сухогруз под либерийским флагом, которого буксиры оттащили от причальной стенки, теперь заработал винтами и на самом малом ходу стал выбираться в открытое море. Чайки с траурными криками устремились к его корме. Однако кроме мусора из-под винтов сухогруза вынырнул какой-то странный пакет черного цвета и весьма внушительных размеров. Стоявший на палубе пришвартованного к берегу небольшого катера морской полиции офицер заметил этот пакет, с досадой поморщился, пробормотал себе под нос: «Ну свиньи, загадили всю акваторию...», после чего поднес к глазам морской бинокль. Понаблюдав минуту, он протянул бинокль своему помощнику.

– Посмотри, что за пакет вон там, на волнах качается, не могу понять, странный какой-то...

– Мусор, наверное, – невозмутимо отвечал помощник, всматриваясь. – В мешок из черного полиэтилена всякую гадость сложили да за борт выкинули. Хотя действительно странно, что он такой большой. Лучше всего подойти и посмотреть. Конечно, не наше дело всякий мусор из акватории вылавливать.

Первый офицер полиции, не слушая его, уже заводил мотор катера, собираясь подойти к качавшемуся на волнах странному предмету.

Его подтянули к борту катера баграми, вытащили на поверхность. Странный черный предмет оказался кителем офицера Российского военного флота с укрепленными на груди всеми знаками различия, тремя звездочками старшего лейтенанта на погонах. Из его ворота торчал, белея, обрубок человеческой позвоночной кости.

– Но... это же труп! – испуганно пробормотал молодой полицейский, в ужасе отодвигаясь подальше и тараща глаза на безрукий, безголовый китель.

– Да? – устало морщась, отозвался старый полицейский. – Ну вот, повезло нам на сегодня...

– Но как же это... Кто ж ему ноги и руки и голову обрубил?...

– Не «кто», а «что», – поправил его старший коллега. – Корабельные винты. Не видел еще, как чисто они умеют человеческое мясо рубить? Гильотина так не четвертует, как они... Ладно, не стой, как чучело огородное. Нагнись, посмотри, что у него в карманах...

Но молодой полицейский, замерев от ужаса, не сводил взгляда с одетого в китель морского офицера обрубков человеческого тела. Вполголоса выругавшись, старый полицейский сам полез во внутренний карман кителя, брезгливо морщась, вытащил оттуда пачку каких-то отсыревших бумаг.

– Не стой, говорю, как олух, а садись писать протокол, – снова сказал он, одновременно разворачивая найденное в кармане кителя удостоверение личности. – Обнаружены документы на имя старшего лейтенанта Павлова Сергея Андреевича, гидрографическое судно, Северный флот, Россия. Увольнительная в город Гдыня выдана на вчерашнее число до вечера, до восьми часов... Да уж, – со вздохом проговорил старый полицейский. – Помнишь, вчера вошли в наш порт корабли русского Северного флота? Вот, один из их экипажа уже готов. Пал смертью храбрых за Родину и за Андреевский флаг. Зато славно погуляли, пан офицер! – добавил он.

Молодой полицейский сел на скамейку в катере и вытащил из папки лист протокола, готовясь писать, однако руки его отчаянно дрожали, а глаза были прикованы к мертвому телу.

– Ладно, не мучайся, – старый полицейский забрал папку из его рук, сам уселся на скамью. – Иди заводи, подгони катер к берегу.

Затарахтев мотором, полицейский катер вместе со своей страшной находкой на борту направился к берегу.

– Где нашли? В порту? – Командир гидрографического судна кавторанг Карамышев, бледнея на глазах, смотрел на вытянувшихся перед ним в струнку офицеров его судна. – Да как же это?...

– Без головы и без ног, товарищ командир, – отвечал капитан третьего ранга Мельников. – Все конечности обрублены, под винты, значит, попал. Однако в кармане кителя найдены документы, так что никаких сомнений...

Карамышев схватился за голову, сжал ее руками, стал раскачиваться из стороны в сторону.

– Да как же это, а? Сережка Павлов... В первой же увольнительной... Ведь я его просил, предупреждал... В городе не напиваться, по борделям не ходить, в драки не ввязываться...

Офицеры стояли молча навтыжку и с тревогой следили за конвульсиями своего командира.

– Ну-ка! – крикнул вдруг он, прерывая свои причитания. – Давайте-ка рассказывайте по порядку. Ну! И давайте-ка сядем. Что вы стоите как во время адмиральского смотра...

Разговор происходил в кают-компании гидрографического судна. Кавторанг Карамышев плюхнулся на один из диванчиков, остальные, немного помедлив, также уселись.

– Ну? – снова спросил командир. – Рассказывайте! Прежде всего, когда ж вы его потеряли?

– Да хрен его знает, этого Серегу, – смущенно потирая подбородок, отвечал капитан третьего ранга Мельников. – Вы же знаете его, какой он молчаливый. Идет с нами и как воды в рот набрал. Не знаешь, то ли есть он рядом, то ли нет его. Потом мы спустились в эту... как ее... в подпивицу...

– Не подпивицу, а подвалицу! – поправил его старлей Воронцов.

– Может быть, в пивницу? – предположил кто-то из офицеров.

– Вот, точно, в пивницу! – воскликнул Мельников. – Я и говорю, где пьют, только в подвале...

– И что, он был с вами? – нетерпеливо спросил командир судна.

– Шел вроде бы с нами, – отвечал Мельников. – Потом обернулись, смотрим: нет его!

– Когда обернулись? – спросил кавторанг Карамышев.

– Ну... – Мельников замялся. – Когда стали первую пить...

– Ясно, – оборвал его командир судна. – С того времени кто-нибудь Павлова видел?

– Нет, он больше не появлялся, – отвечал Мельников. – Мы сидели, все ждали, вот придет, вот вернется, но его нет и нет. А потом нам самим пора уж было уходить, ну мы и подумали, что найдет Полундра дорогу на родное судно. Не маленький ведь...

– Я слышал, что его вроде бы кто-то еще на улице окликнул, – сказал старлей Воронцов. – Перед тем как мы в эту подвальную подпьяницу спускаться стали. Я думаю, он с этим человеком и ушел тогда. Вот и местные газеты пишут, что пил он с каким-то поляком...

– Какие газеты? – удивился Карамышев. – Ты откуда знаешь про то, что в польских газетах написано? Ты что, по-польски читать умеешь?

– Я нет, – поспешно отвечал Воронцов. – Но мне одна знакомая девушка прочитала, перевела...

Кавторанг Карамышев не ответил, некоторое время сидел неподвижно, тупо глядя на иллюминатор, за которым маячила панорама Гдыни.

– Так ты видел этого поляка? – вдруг спросил он.

– Краем глаза, товарищ капитан второго ранга, – отвечал старлей. – На вид типичный поляк, однако по-русски говорит, как мы с вами...

– Ясно, – Карамышев кивнул. В отчаянии он снова схватился за голову. – Ох, черт возьми, вот не было печали...

Все вежливо молчали.

– Вообще, у этих поляков оперативность удивительная, – осмелился заговорить старлей Воронцов. – Если не сказать подозрительная. Сегодня утром нашли тело, и уже в газетах об этом написано, и результаты экспертизы предъявлены, русский офицер был сильно пьян. И даже фотографию обрубка не постеснялись поместить, да еще сфотографировано так отчетливо... Там смотреть, аж мороз по коже...

– Фотография? – Карамышев уставился на Воронцова в упор. – Где фотография? Ну-ка, дай ее сюда!

– Пожалуйста, товарищ капитан второго ранга! – Воронцов вытащил из кармана многократно сложенную газету и протянул ее командиру. Развернув ее, тот уставился на крупный снимок, помещенный на первой странице. Остальные офицеры также сгруппировались вокруг, стали рассматривать фотографию.

– Эх, четкая какая, – пробормотал один из них. – И правда, смотреть страшно...

– Нагрудные значки вроде как его, – сказал катреранг Мельников. – Китель очень похож на тот, что он всегда носил.

– Меня только удивляет, – сказал старлей Воронцов, – что обрублено как-то все чересчур аккуратно. Голову, конечности как ножом срезало. А на остальном теле ни одного рубца...

– Бывает такое, старлей, – с тяжелым вздохом отозвался командир. – Своими глазами видел.

– Все равно, странная какая-то это история, – не унимался тот. – Вы же все знаете Полундру: он умел пить. Чтобы его от лишней рюмки водки так развезло, чтобы он в воду свалился да под гребные винты попал – да ну не может такого быть!

– Тут вон написано, что русский офицер в пьяной драке по голове получил, – сказал один из офицеров, умевший читать по-польски. – Хотя тоже что-то слабо верится... Чтобы Серега Павлов при всей его квалификации мог пропустить сильный удар в голову, это он должен был крепко нажраться...

– А что, разве голову тоже нашли? – удивился старлей Воронцов.

– Нет вроде бы... Про голову тут ничего не сказано...

– Как же они тогда определили, что был удар по голове, если самой головы не найдено? – не унимался Воронцов.

– Ох, темная что-то эта история, – вздохнул командир судна. – Говорил же я этому Павлову, не влезай в драки, не напивайся! И вот на тебе: в первый же день... Но я чувствую, это еще только начало. Теперь всем нам достанется на орехи...

Словно в подтверждение его слов дверь кают-компания вдруг открылась, и на пороге ее возник матрос-радист.

– Товарищ капитан второго ранга! – обратился он к командиру судна. – Только что получена радиограмма с флагмана: командующий отрядом просит вас немедленно явиться к нему...

Несколько мгновений кавторанг Карамышев тупо смотрел на вытянувшегося перед ним матроса, лицо его приобретало серый цвет.

– Вот слышали? – устало пробормотал он, оглядывая присутствующих в кают-компании. – Ну, держитесь, ребята, теперь начнется! Как чувствовал я, влипнем мы в историю из-за этого Полундры, с самого начала как чувствовал. Специалист великолепнейший, офицер, каких на флоте раз, два и обчелся. Но мужик бедовый...

Кавторанг Карамышев безнадежно махнул рукой, тяжело поднялся и направился к выходу из кают-компаний. Офицеры его судна молча и сочувственно смотрели ему вслед.

Глава 7

Капитан польской службы бзяпеки Ян Стасевич прервал чтение газетной статьи, посмотрел на сидящего напротив него генерала Пржезиньского. Генерал с улыбкой кивал в такт словам, казалось, он был очень доволен.

– Во сколько же обошлась эта статья нашему ведомству? – с одобрительной усмешкой спросил бригадный генерал.

– Ни гроша! – весело улыбаясь, провозгласил капитан Стасевич. – Достаточно было позвонить в редакцию и сказать, какого характера должен быть материал по поводу нашего инцидента, а остальное они уже сделали сами.

– И в лучшем виде, – генерал Пржезиньский одобрительно кивнул. – Это хорошо, это очень хорошо. И фотографию такую четкую поместили...

– Насчет фотографии это была их идея, – доложил Стасевич, протягивая газету своему начальнику. – Поместить очень четкую и максимально откровенную... Они так рассуждали, что чем более жутким будет этот снимок, тем сильнее он запомнится читателям, тем больше будет общественный резонанс. Телевидение действует в том же ключе.

Генерал Пржезиньский с интересом потянулся к газетной фотографии, но, увидев ее, вздрогнул, поспешно отвернулся, сказал, поморщившись:

– Это хорошо. Это тоже хорошо...

Агент Стасевич, видя реакцию генерала, поспешил спрятать подальше газету с ужасным снимком.

– Итак, пан генерал, – самоуверенно улыбаясь, сказал он, – наша операция идет по намеченному плану. Первая часть успешно претворена в жизнь, стало быть, остается еще два пункта...

– Действуйте! – сказал бригадный генерал Пржезиньский, поднимаясь с места. – Вам даны в этом деле самые широкие полномочия. Я со своей стороны не сомневаюсь в успехе!

И агент Стасевич, слыша похвалу начальства, заулыбался от удовольствия.

Глава 8

Полундра вздохнул, пошевелился на кровати, открыл тяжелые, словно налитые свинцом веки, стал изумленно оглядываться вокруг. Он лежал на простой солдатской койке, поверх которой был брошен полосатый матрац безо всякого постельного белья. Комната, где он находился, была ему совершенно незнакома. С трудом приподняв пудовую голову от матраца – никакой подушки на койке не было, – старлей огляделся, обнаружив, что обстановка комнаты, мягко говоря, спартанская: крашеный дощатый пол, простые оштукатуренные стены, из мебели старомодный шкаф, небольшой обеденный стол и стул и ничего больше. Зато дверь, ведущая в комнату, солиднейшая, железная, на окнах прочнейшие решетки, и при этом никаких занавесок. Комната казалась чем-то средним между казарменным помещением и тюрьмой. Впрочем, в казармах Северного флота помещения были менее унылыми и решеток на окнах не было.

Полундра пошевелился, стал медленно приподниматься на постели. Тело его отчаянно ломило, голову стиснуло словно тисками, веки налились свинцом и сами собой закрылись. Полундра был уверен, что такого мучительного похмелья никогда прежде с ним не бывало. Ощупав свое лицо и сжав обеими руками голову, мокрую от пота и словно раскалывавшуюся от боли, он пробормотал вполголоса:

– Ох вы, черти лохматые! Какое же дерьмопил я вчера, что теперь меня так ломает!..

Сев на кровати, Полундра стал внимательно осматривать и ощупывать самого себя. Одет он был только в полосатый флотский тельник и кальсоны. Полундра стал оглядываться вокруг. Однако единственный стул посреди комнаты и простой крашеный стол у зарешеченного окна были пусты, никакой одежды на них не лежало. Его родной офицерский китель, а с ним и документы куда-то исчезли.

Не на шутку встревоженный, Полундра слез с кровати, неверными шагами поплелся по комнате, стал шарить по углам, быстро поняв, впрочем, совершенноную бесполезность всяческих поисков. В комнате было пусто.

– Что за бред? – в растерянности пробормотал он, останавливаясь посередине комнаты. – Кто и за каким чертом меня сюда притащил? Зачем украл форму и документы?

Полундра решительно направился к двери, толкнулся было в нее, тут же почувствовав, что она наглухо заперта и биться в нее головой бесполезно. Входная дверь не только была самым основательным и крепким сооружением в этой комнате, по ее стальной поверхности тянулись тонкие, едва заметные проводки сигнализации, и Полундра понял, что малейшее прикосновение к этим проводкам вызовет срабатывание сигнализации. Так что эта комната была все-таки тюрьмой, и он был надежно заперт в ней – от этого открытия Полундре стало жарко.

Мгновенно забыв о похмелье, он кинулся было к окну, хотел рвануть на себя деревянную раму, добраться до решетки, однако остановился: и здесь вдоль рам и по стеклу тянулись едва заметные проводки сигнализации, а прутья решетки были крепчайшим образом вмурованы в стену, выломать их не представлялось возможным. За окном Полундра увидел неширокий двор, обнесенный забором из колючей проволоки, по углам двора стояли вышки с вооруженными часовыми. Прямо напротив его окна находился немигающий глаз видеокамеры слежения, точно такие же видеокамеры были установлены и в других местах. Сразу за колючим забором стеной стоял высокий сосновый лес.

– Да это самая настоящая тюрьма! – ошеломленно воскликнул Полундра, отступая обратно к койке. – Только со всеми удобствами! Ах, Славка, ах, сволочь! И ведь как соловоьем-то пел, уговаривая меня пить! И как расхваливал здешнюю жизнь... А сам – что он мне устроил? За каким чертом ему понадобилось тащить меня сюда? И китель с документами красть? Или он работает на...

Полундра не договорил. Потому что внезапно загрохотал засов железной двери, с противным скрипом она отворилась, и в комнату вошел агент польской службы бязпеки Ян Стасевич.

– Так, вижу, пан проснулся, – произнес он с деланным дружелюбием и вроде бы по-русски, но с заметным польским акцентом.

Стасевич уселся на единственный стул, поставив его посреди комнаты. Зашедшие следом за ним два молчаливых агента службы бязпеки встали как на часах у самой двери. Они не спускали своих настороженных глаз с Полундры.

– Пусть пан сядет, – произнес, кивая головой, Стасевич стоявшему столбом возле кровати Полундре. – Как говорят русские, в ногах правды нет...

Машинально Полундра опустился на койку, выжидающе уставился на сидящего перед ним мужчину с его холеным лицом и презрительно-самоуверенной улыбкой на тонких губах.

– Пан чем-то недоволен? – спросил тот, внимательно глядя на русского офицера. – Пан плохо спал после вчерашнего?

– Кто вы такие? – глухо проговорил Полундра. – Где мои документы? Где форма?

Агент Стасевич презрительно усмехнулся:

– Форму пан офицер пропил в кабаке с курвами. А удостоверение продал польской разведке.

Полундра заскрежетал зубами и яростно сжал кулаки, но, видя это, его собеседник только скривил свои тонкие губы.

– Пану незачем так волноваться, – спокойно заметил он. – Как говорят русские, сделанного не воротишь...

– Я никому ничего не продавал! – глухо, едва сдерживая ярость, проговорил Полундра. Стасевич смотрел на него, тонко улыбаясь. – И вы зря стараетесь: я Родину не предаю! Лучше пусть подохну, но на вашу поганую разведку работать не буду!

– Нехай пан не говорит прежде времени, – продолжая улыбаться, сказал агент Стасевич. – Пан еще не знает всех обстоятельств своего положения.

Пока Полундра настороженно таращил на него глаза, Стасевич вытащил из кармана польскую газету, развернул ее на нужной странице, показал старлею.

– Это очень досадно, что пан не читает по-польски, – произнес агент польской службы бязпеки. – Впрочем, в наших языках много общих слов, так что пан, я думаю, сможет при желании понять. Вот в этой статье написано, что в акватории Гдыни выловили человеческий обрубок без головы и конечностей, однако на нем был надет китель старшего лейтенанта Российского ВМФ, а в карманах удостоверение на имя Сергея Павлова. Пан желает взглянуть? Вот статья, а вот и фотография этого обрубка...

Полундра трясущимися от волнения руками взял газету, тупо уставился на жуткий снимок, ничего не понимая, узнавая и не узнавая собственный китель. Потом обратился было к тексту. Однако как ни старался, не мог понять ни слова. Но он отчетливо смог разглядеть свою фамилию в надписи под фотографией и на помещенной в газете фотокопии его размокшего офицерского удостоверения.

– Суки! – сквозь зубы проговорил он. – Проклятые суки! Вы все врете! Это фальшивка! Вы сами отпечатали эту поганую газетенку в вашей конторе, а теперь подсовываете ее мне, думаете, я в это поверю...

– Пан так считает? – Стасевич снова тонко улыбнулся. – А это он тоже назовет фальшивкой?

Он кивнул одному из молчаливых агентов, стоявших у двери. Тот вышел, через некоторое время вернулся, неся с собой видеомagnитофон и портативный телевизор. Пока он устанавливал все это на столе и подключал к сети, капитан Стасевич принялся объяснять:

– Мы записали специально для пана фрагмент информационной программы Российского телевидения. Если пан думает, что польская служба бязпеки в состоянии изготовить такую фальшивку, то он очень хорошо про нас думает!

Агент был прав, тут никакой подделки быть не могло. Хорошо знакомый Полундре диктор Российского телевидения сообщил о трагической находке в акватории Гданьского порта, потом показали репортаж, где корреспондент рассказал подробности инцидента. Показали и сам найденный в воде обрубок тела, правда, не так откровенно и страшно, как это запечатлел газетный фотоснимок. Затем последовало интервью кавторанга Карамышева. Губы командира гидрографического судна подрагивали, когда он говорил:

– Сергей Павлов был выдающимся морским офицером, неоднократно награжденным, в том числе и орденом Мужества... Все мы, конечно, в шоке от случившегося и очень скорбим по поводу его трагической гибели...

Полундра сидел, багровый от волнения, гневно сжимая и разжимая кулаки.

– Но и это еще не все! – выключая телевизор, торжествуя произнес Стасевич. – Вот, взгляните на это. Милицейская сводка по вашему родному военному городку. А также газета «Североморская правда». По-русски пан читать хорошо умеет и не скажет, что эта газета тоже фальшивка... Вот сообщение о том, что паньска жена и сын похищены некоей преступной группировкой и увезены в неизвестном направлении. Требуется выкуп...

Он протянул газету Полундре, тот стал напряженно вчитываться в прыгавшие у него перед глазами строки.

– Однако, – глухо проговорил Полундра, – откуда в нашем городке преступная группа? Стасевич только торжествуя ухмыльнулся в ответ.

Приступ бешенства внезапно овладел Полундрой. Он швырнул газету в лицо ближайшему стоящему к нему охраннику, стремительно нанес сильнейший удар по морде Стасевичу. Тот отлетел к окну, ударился в него головой, зазвенели стекла, взвыла сирена. Второй охранник бросился было к Полундре, но старлей швырнул в него, схватив со стола, портативный телевизор. Первого охранника он ударом ноги в челюсть без труда сшиб с ног и, схватив за спинку единственный в комнате стул, обрушил его на голову еще одного ворвавшегося в комнату субъекта. Орудия стулом как дубиной, Полундра бил направо и налево, люди отлетали от него прочь во все стороны. Но на место одних прибывали другие, и вот уже стул превратился в щепки. Полундра, оставшись с голыми руками, пропустил один удар, второй, третий, в голове его помутилось, в глазах поплыло и затуманилось. И он почувствовал, как масса человеческих тел навалилась на него неподъемной грудой, безжалостно придавила к земле, так что он не смог более пошевелить ни рукой, ни ногой...

– Сульфазин! – раздалась резкая команда. – Найдите его к койке!

Полундра ощутил, как тонкая стальная игла вонзилась ему в плечо, вводя внутрь его тела лекарство. Мгновенно он почувствовал, как мышцы его немеют, и он при всем желании не может пошевелиться, оказать сопротивление привязывающим его намертво к койке охранникам.

– Пусть пан послушает...

Открыв глаза, Полундра увидел стоящего рядом с ним агента Стасевича. Лицо его было бледно от едва сдерживаемого бешенства, около глаза наливался синюшной венозной кровью здоровенный фингал.

– Пан горазд драться. Однако пана это отсюда не выручит. Нас много, и драться мы сами можем.

– Какого хрена вам от меня надо? – глухо спросил Полундра. – От меня и от моей семьи...

– О, суший пустяк! – несмотря на фиолетовый фингал, Стасевич бодро осклабился. – Службе бязпеки небезызвестно, что пан офицер большой специалист по водолазным работам... На дне Балтийского моря есть одно затонувшее судно. Оттуда надо достать кое-что...

– И тогда моя жена и сын будут свободны?

– Возможно, – Стасевич снова тонко улыбнулся. – Как говорят в России, там видно будет...

Сидящий на полу, намертво прикрученный к кровати Полундра смотрел на него снизу вверх настороженно, недоверчиво и с ненавистью.

Глава 9

После инцидента с найденным в акватории порта изуродованным человеческим телом в форме русского морского офицера к российскому гидрографическому судну журналисты проявили столь пристальный интерес, что пришлось приставить дополнительную охрану из польских пограничников. Кроме того, у самого трапа стоял на часах с самым неприветливым видом вооруженный автоматом матрос. Откровенно говоря, эти меры безопасности были излишними, после первых нескольких часов интенсивного интереса поток журналистов полностью иссяк, и никто более не интересовался российским кораблем, так что дежурившим у его трапа пограничникам и матросу попросту нечего было делать.

Тем более они все были удивлены, когда на пирсе вдруг появился какой-то моложавый на вид поляк с явно военной выправкой и решительно направился к трапу гидрографического судна. Пограничники остановили его, поляк принялся что-то терпеливо объяснять им по-польски, но те только отрицательно качали головами, говорили «Не можно», а потом, видя, что назойливый человек не уходит, стали отеснять его прочь.

Удивление наблюдавшего за сценой русского матроса-часового было велико, когда этот на вид типичнейший поляк, чувствуя, что его гонят прочь, вдруг махнул рукой ему и крикнул во все горло на чистейшем русском языке:

– Слышь, браток, будь другом, позови вахтенного офицера. У меня для вас срочная информация, а эти черти-пограничники меня к вам не пускают!

Черти-пограничники так удивились тому, что неожиданный посетитель закричал по-русски, что перестали его теснить, и оставленный в покое Славка Климович подошел ближе к часовому.

– Слушай, браток, – сказал он, просительно заглядывая в глаза часовому. – Пожалуйста, позови вахтенного. Я сам бывший моряк, на Балтийском флоте служил. Мне надо кое-что сообщить вашему командованию, ей-богу, это нас всех касается.

Часовой некоторое время молча таращил глаза, но потом все-таки решился, вытащил из кармана рацию и доложил вахтенному офицеру, что его желает видеть какой-то неизвестный, хорошо говорящий по-русски поляк.

Появившийся вахтенный старлей Женька Воронцов недоверчиво оглядел стоявшего внизу у трапа Климовича.

– Ну, что вам?

– Я по поводу вашего офицера, – запинаясь от волнения, проговорил Славка. – Старший лейтенант Павлов... Ну, которого мертвым выловили из воды...

Внезапно старлей Воронцова осенило.

– Стойте-ка! – воскликнул Воронцов, торопливо сбегая вниз по трапу. – Так это он с вами пил, что ли, в последний раз?

– Да, да, со мной, – неожиданно Климович покраснел до ушей.

– Да я уж вас узнал, – неприветливо промолвил Воронцов. – Вы тогда его окликнули, увели его куда-то. Так с тех пор нашего Серегу Павлова живым никто и не видел...

– Послушайте! – настойчиво заговорил Климович, подходя ближе к Воронцову. – Я могу встретиться с командиром? Вся эта история какая-то подозрительная, мне кажется, нам надо обсудить ее вместе...

Старлей Воронцов мгновение подумал.

– У вас есть конкретно, что сообщить командованию флота?

– Да нет, но... – Климович смущенно запнулся.

– Это вы его нарочно споили, да? – угрожающе проговорил Женька.

– Да вы чокнулись, что ли? – гневно сверкнув глазами, воскликнул Климкович. – Серега был моим однокурсником, мы с ним вместе в одной комнате жили!..

Воронцов в ответ пожал плечами:

– Я не знаю, командир сейчас на совещании у командующего отрядом на флагманском корабле. И я вам очень не советую потом, когда он вернется, попадаться ему на глаза.

Климкович изумленно смотрел на стоящего у трапа русского офицера.

– Мне кажется, это происшествие касается всех нас, – глухо сказал он.

– Я доложу командиру о том, что вы приходили, – спокойно возразил старлей Воронцов. – Но если ничего конкретного вы сообщить нам не можете...

– Я могу только одно сообщить, – возбужденно воскликнул Славка Климкович. – Что мы там выпили суший пустяк, бутылка «Выборовой» на двоих и каждый по чекушке коньяку. И после этого коньяка я отрубился наглухо. Такое, по-вашему, возможно?

– А почему нет? – пожал плечами Воронцов. – Каждый человек выпивку переносит по-разному.

– Допустим, – согласился Климкович. – Но разве это нормально, что я от этого количества спиртного отрубился напрочь? Последнее, что помню, это как я шел к стойке бара за новой бутылкой. И по пути как в яму провалился. А очнулся уже дома, на кровати.

Старлей Воронцов слушал рассказ поляка с вежливо скучающим видом.

– Такое бывает, – безразличным тоном возразил он. – Это называется алкогольная амнезия. Просто после определенной дозы спиртного перестаешь помнить, что с тобой происходило, время, проведенное в опьянении, как бы стерто из памяти. Просыпаешься уже наутро с головой, раскалывающейся от похмелья.

Славка Климкович смотрел на русского офицера с недоумением, обидой и нарождающейся ненавистью.

– Я, конечно, передам ваш рассказ командующему, – продолжал Воронцов безразличным тоном. – Я по уставу обязан докладывать командиру обо всех происшествиях во время моей вахты. Но только если вы ничего не имеете сообщить нам конкретного...

Славка Климкович, не дожидаясь конца фразы, повернулся и пошел прочь, походка у него была нетвердая, как у тяжелобольного человека. Старлей Воронцов, с сомнением покачивая головой, смотрел ему вслед. Облик поляка, русского эмигранта, не внушал ему ни малейшего доверия.

Глава 10

– Мам, а можно мы пойдем на улицу?

Маленький Андрюшка Павлов, лежа на широком диване, смотрел на свою мать печально и устало.

– Нельзя, сыночек мой, те большие дяди не разрешают...

– Мам, а можно я подойду к окну? Я не буду высовываться и трогать занавеску. Я только постою рядом и посмотрю...

Наташа Павлова дрогнувшей рукой провела по шелковистым волосам своего сына.

– Нельзя, Андрюшенька, большие дяди этого не разрешают...

– Ну, ма-ам! – протянул ребенок жалобно. – Я уже устал сидеть в этой комнате и спать! Мне надоело спать. Когда мы пойдем гулять на улицу?

– Не знаю, сыночек мой, – отвечала мать. – Когда большие дяди позволят...

– А когда они позволят?

– Не знаю, – Наташа Павлова еще раз погладила своего сынка по белокурой головке. – Сиди тихо. А будешь плакать, те большие дяди придут и снова будут ругаться...

Казалось, эта угроза произвела нужное впечатление на него. Ребенок тут же затих, замер.

Наташа Павлова с маленьким сыном сидели в жилой комнате обычной квартиры, обычная мебель окружала их, шкаф, стол, диван. На этом диване они уже вторую ночь спали, тут же проводили все время. В комнате царил полусумрак, потому что единственное окно было плотно занавешено. Электрического же освещения включать в комнате было не велено. Форточка также не открывалась, телевизора не было, книжек, что стояли на полке в шкафу, из-за недостатка света читать было нельзя. В этой комнате Наташу Павлову и ее сына держали вот уже вторые сутки, и непонятно было, сколько еще их могут здесь продержать.

– Мам, а как большие дяди узнают, что мы подходили к окну? – снова заговорил маленький Андрюшка Павлов. – Они же сидят в той комнате, разговаривают между собой.

– Я же тебе показывала тонкую проволочку, что возле занавески тянется, – отвечала его белокурая мать. – Это сигнализация. Ты тронешь эту проволочку, у дядей в комнате зазвонит звоночек...

– А я постараюсь не трогать этой проволочки, – возразил ее сын. – Я подойду к ней так осторожно, что никто ничего не узнает...

– Нет, Андрей, – чуть строже сказала Наташа Павлова. – Если у них в комнате зазвонит звоночек, дяди прибегут к нам и будут страшно ругаться. Могут даже ударить тебя. Помнишь, как они ударили тебя по голове прошлый раз?

На этот раз ребенок окончательно умолк.

Наташа Павлова осторожно встала и подошла к двери, ведущей в комнату, где сидели охранявшие их бандиты. За дверью и в самом деле слышались хриплые, злые мужские голоса. Судя по коротким, отрывистым репликам, они играли в карты в подкидного дурака.

– Туз, блин...

– А вот козырь... Принял ты, короче...

– А вот так?

– Жопу себе этим вытри...

– Ну а так?

– Смотри внимательней, как играют настоящие асы... Раз... Два... И вот три! Понял? Остался ты, короче! – сказавший это торжествующе захохотал.

– Ну-у! – разочарованно протянул проигравший бандит. – Вечно тебе, Колян, в картах везет... С тобой неинтересно играть!

Названный Коляном самодовольно засмеялся. Послышалось, как шлепнулись карты на кухонный стол. Раздался звук щелкающей зажигалки, кто-то закуривал сигарету.

– Слышь, Колян, долго мы еще будем в этой конуре яйца греть? Заколебался я тут...

– У тебя что, в жопе свербит, что ли? – ленивым голосом отозвался Колян. – Что тебе еще надо? Бабки платят, значит, все нормально...

– Да ну их на хрен... Ни из дому выйти, ни поговорить с кем... Слышь, Колян? – говоривший понизил голос. – Ты видел, какая она баба? Может, побалуемся с нею, а?...

– Тебе потом за это яйца отрежут, – флегматично отозвался Колян. – Сказано же было, чтобы с бабой обращаться культурно. Тебе такие бабки платят за то, чтобы инструкции выполнялись. Понял?

– Да на хрен их всех с этими инструкциями! Я думал, тут правда похищение, выкуп будут из нее выколачивать, мы оба с тобой развлечемся немного...

– Развлечемся с кем-нибудь еще! – сурово прикрикнул на него Колян. – А бабу эту пальцем тронешь, я тебя собственноручно невинности лишу... И спереди, и сзади, понял?

В этот момент запищал мобильный телефон.

– Да?... Да, я... Да, все здесь нормально... Вон она в той комнате сидит, и сосунок с нею... Нет, ни на что не жалуется... Да все нормально... Да подготовил, объяснил... Что, прямо сейчас? Ладно, хорошо, одну минуточку...

Было слышно, как бандит с мобильником в руках направился к двери в комнату, где находились их пленники. Услышав его приближающиеся шаги, Наталья поспешила вернуться к дивану, уселась на него.

Ключ в замке повернулся, в проеме двери возник один из бандитов, по-прежнему он был одет в форму капитана третьего ранга.

– Так. Иди сюда, – негромко, но повелительно сказал он Наташе. Та послушно встала с дивана и подошла. – Так, вот мобильник, – продолжал он. – Сейчас будешь говорить со своим мужем. Помнишь, что я тебе объяснял?

Наташа торопливо закивала головой.

– Вот так, – бандит выглядел удовлетворенным. – Ничего про себя не рассказывай, где ты находишься и с кем. Только скажешь, что с тобой пока все в порядке и ребенок чувствует себя хорошо. Но самое главное, ты должна ему сказать, прямо повторить несколько раз одну и ту же фразу: «Что бы от тебя ни потребовали, соглашайся на все!» Только это, и ничего больше... Но несколько раз! Чтобы он поверил. Тогда и с тобой, и с твоим ребенком ничего плохого не случится. Поняла? Давай!

Бандит протянул Наташе мобильник, та послушно взяла его, поднесла к голове. Смутное понимание того, какая именно роль отведена ей в этой истории, стало возникать в ее мозгу.

Глава 11

– Все будет хорошо, Наташа. Я все сделаю, что они от меня потребуют... Помни, вы оба для меня важнее всего на свете! И я скоро вернусь, слышишь ты? Вернусь! Прощай, сына береги!

Полундра выключил мобильник, протянул его агенту Стасевичу. Тот и двое других агентов, присутствовавших в комнате, с напряженным вниманием следили за движениями руки русского моряка, будто опасались, что тот вмажет мобильником агенту службы бязьпеки по морде. Но нет, Полундра был спокоен, хотя и смотрел на окружающих его людей сумрачно.

– Теперь пан офицер понимает, что согласиться придется? – дежурная улыбка Стасевича смотрелась гротескно на его разукрашенной синяками пухлой роже.

– Суки вы все, вот что, – тихо, но выразительно сказал Полундра.

– Пан напрасно лается, – улыбка словно застыла на лице Стасевича. – Пан есть професионал, а мы не требуем невозможного. Для водолаза вашей квалификации эта задача суций пустяк. Снаряжением и оборудованием мы вас обеспечим, глубина небольшая, море в это время года спокойное...

– Тогда какого хрена не слазите туда сами?

– Пану лучше не задавать лишних вопросов. Пан должен помнить, что находится целиком в наших руках.

– А что я должен доставать со дна? – не унимался Полундра. – Это что-нибудь противозаконное? Хотите чужими руками жар загребать...

– Пану уже было сказано: то не паньска справа! – Фингал под глазом агента службы бязьпеки алел, как фонарь у входа в публичный дом. – Я же пана не пытаюся, почему он напился как скотина!

– Это вы мне подсунули коньяк с клофелином! – возразил Полундра. – А хозяин уличного кафе ваш агент...

Украшенная фингалом рожа агента Стасевича расплылась в самодовольной ухмылке.

– Пан богато фантазирует, – весело заметил он. – Однако его фантазия не поможет ему выкрутиться из ситуации, в которой он оказался. Теперь время принимать решение, согласен ли пан сотрудничать с нами, или он отказывается.

– Мне надо подумать...

– Пану некогда думать. У пана два варианта. Второй из них – отказаться, но я бы на вашем месте не поступал так...

Полундра молчал, в упор глядя на агента службы бязьпеки. Он и его двое помощников снова заметно занервничали, опасаясь, что русский офицер опять начнет махать кулаками.

– Пан должен понимать, – с опаскою поправляя воротник у рубашки, проговорил Стасевич. – Если он согласится, ему не причинят никакого вреда. Пан получит много денег за эту работу, ему позволят жить в Польше. Его жену и сына также переправят в Польшу. Пану работа тут найдется, дом и хорошие деньги. Пан будет жить в Еврозвёнзку...

– Где? – изумленно переспросил Полундра.

– По-русски это... – Стасевич прищелкнул пальцами, вспоминая слово: – Евросоюз. Пан знает, что Польша скоро войдет в объединение западноевропейских государств, а Россия нет.

Полундра сумрачно смотрел на стоявших вокруг него людей, казалось, готовых к любой выходке с его стороны. Однако теперь он был спокоен. Старлей прекрасно понимал, что от лап этих бандитов в погонах польской службы государственной безопасности ему никуда не деться. «Только бы вырваться на волю, – с тоской думал он, – прочь из этого каземата с видом на сосновый лес. А там уж я им покажу! Только бы вырваться отсюда...»

– Хорошо, – медленно проговорил Полундра. – Что я должен делать?

– Пан согласился? Очень хорошо! – Стасевич заметно оживился при этих словах и будто бы даже вздохнул с облегчением. – Я рад, что здравый смысл возобладал над ничем не обоснованным дикарским упрямством. Но для начала пан должен подписать кое-какие бумаги...

– Что? – изумленно вскинулся Полундра. – Вам мало, что вы держите в руках меня и мою семью? Хотите для надежности еще и заключить контракт...

– Пан отказывается?

– Катитесь к черту с вашими бумажками! – яростно крикнул Полундра. – Вы требуете от меня слишком многого, а где гарантии, что вы выполните хотя бы одно из ваших обещаний?

Нахмурившись, Стасевич убрал приготовленные было для подписи бумаги обратно в папку.

– Ладно, не подписывать – это ваше право, – довольно сердито произнес он. – Однако пусть пан не делает глупости. Пан сказал правильно: он и его семья целиком в наших руках. Вот, пусть пан забачыт...

Стасевич протянул ему фотографию. На ней Полундра узнал самого себя, сидящего в одном тельнике и кальсонах на койке и внимательно изучающего газету, извещающую о его собственной нелепой гибели.

– Вы знаете, что фотография подлинная, и любая экспертиза подтвердит это. А подать фотографию в нужном свете мы сумеем, не беспокойтесь! Захотел пан пожить в Еврозвёнзку, дезертировал с корабля... Сымитировал собственную смерть, при этом еще и кого-то убив!

– Суки... – тихо, но на этот раз как-то безнадежно отозвался Полундра.

Фотография выскользнула у него из рук и упала на пол. На лицах агентов службы бязьпеки играли довольные ухмылки. Стасевич торжествовал.

Глава 12

– Так, ну и что он рассказывал? – Сидя за столом в своей каюте, командир гидрографического судна кавторанг Карамышев сурово смотрел на вытянувшегося перед ним в струнку старлей Воронцова.

– Рассказывал, что пил с ним в тот вечер, когда Полундра погиб...

– Это я понял, – хмуро отозвался кавторанг. – Ты-то его узнал? Или ты его тогда, в тот вечер, не видел?

– Видел, товарищ капитан второго ранга. И сразу же узнал...

– Почему о происшедшем сразу мне не доложили? Почему я узнаю об этом только теперь, фактически на следующее утро?

– На момент происшествия вас на судне не было! – отчеканил Воронцов. – Обо всех происшествиях во время вахты я докладывал старшему офицеру.

– Ах, ну да, – кавторанг растерянно покачал головой. – Я же был у командующего отрядом, и мне там шикарно промывали мозги...

– А от командующего вы вернулись в таком состоянии, что мы решили не беспокоить вас по пустякам...

– Что, боялись, что покусая? – спросил он, вскидывая на старлей пристальный взгляд. – Правильно боялись...

На это старлей Воронцов ничего не возразил. Молча ждал продолжения разговора.

– Ладно, хрен с ним, – проговорил наконец кавторанг Карамышев. – Давай рассказывай с самого начала, о чем ты с тем поляком беседовал.

– Да так, ни о чем особенном, – осторожно отвечал Воронцов. – Он рассказал, что пил с нашим Серегой в тот вечер, сидели они в одном уличном кафе, том самом, о котором теперь в печати столько трескотни...

– А какого хрена они вместе туда пошли? – прервал его кавторанг. – Они что, друзья-приятели?

– Я так понял, однокурсники они, – отвечал Воронцов. – Этот поляк на самом деле на Балтийском флоте служил и вроде как до сих пор гражданин России...

– Хорош гражданин! – пробурчал недовольно кавторанг. – Спойл своего бывшего однокурсника, так что тот, себя не помня, в воду упал и его винтами зарубило...

– Так вот в этом все и дело, товарищ командир! – воскликнул старлей Воронцов. – Я у него чисто из любопытства спросил, сколько они выпили. Ну а он клянется, что только одну бутылку «Выборовой» на двоих и по паре коньяка.

– По паре бутылок? – переспросил Карамышев.

– Ну, я так понял, бутылки эти были по 250 граммов, – пояснил старлей. – Чекушка!

– Чекушка? – Кавторанг задумался. – Да, действительно странно получается... Две чекушки, это ж разве напиться!

– Вот я и говорю! – воскликнул старлей. – Я же знаю, как Полундра пить умел. Он водку литрами пить мог и после этого еще морды бить пойдет так, что зубы во все стороны летят. Не брала его водка совершенно. Это натовские офицеры со ста грамм с ног валяются...

– А ты откуда знаешь про натовских офицеров?

– Да это я так, к слову, – ничуть не смущаясь, отвечал Воронцов. – Это еще не все, товарищ командир. Этот поляк рассказывал, что его в тот день тоже шибко развезло, что он как вторую чекушку свою выпил, так напрочь и отрубился. Очнулся уже дома в постели. И потом его все утро похмелье так ломало, как прежде еще никогда в жизни. Так что я подумал, а что, если в бутылки и правда кто-то что-то мог подсыпать...

– Да, провокация получилась великолепная, – согласился кавторанг. – Но тогда это должны были быть действия каких-нибудь спецслужб...

– Польских? – спросил Воронцов

– Наверняка, – Карамышев кивнул. – Больше просто некому. Потому что просто криминальная группировка на такое никогда не решится, зачем ей. Ведь даже человека ради этого не пожалели. Усыпили и бросили под винты какого-нибудь буксира в порту...

– А тут еще эта радиограмма из Мурманска, – продолжал старлей Воронцов. – Говорят, похитили жену Сереги Наташку с маленьким сыном и требуют выкуп.

– Верно, – кавторанг кивнул. – Это хорошо, если она не знает про это все... Вот горе-то у людей...

– Я только не пойму, – продолжал Воронцов. – Какой дурак вздумал похищать жену и ребенка флотского офицера и требовать за них выкуп? Выкуп требуют с богатых, у которых деньги есть. А разве у Полундры когда водились деньги? Он все жалованье тут же своей Наташке отдавал...

Командир гидрографического судна помолчал, задумчиво качая головой.

– Да ну, нет, – сказал он наконец. – Не могу я поверить, чтобы Павлов в какой-либо махинации был замешан. Видит бог, на судне мы с ним не очень ладили, хотя прямых столкновений никогда не было. Но скажут мне, покажите примерного российского морского офицера, как он должен быть, безукоризненной честности, самоотверженности, готовый жизнь за родину положить, то я Серегу Павлова первым назову. Несмотря на его характер.

– Может быть, Полундру подставляет кто-то, – предположил Воронцов. – Или провокация, что спецслужбы задумали, много шире и хитроумнее, чем мы думаем.

– Вот что! – решительно сказал кавторанг Карамышев. – Этим делом надо в упор заняться, нам самим его расследовать. История эта странная, и заинтересованы больше всех в том, чтобы ее прояснить, как раз мы. Понял меня? В первую очередь надо найти того поляка, что приходил к нам вчера вечером. Ты как, его фамилию записал?

– Нет, товарищ кавторанг, – упавшим голосом сказал старлей. – Как-то не подумал...

– Ну и дурак, что не подумал, – сердито отозвался Карамышев, откидываясь на спинку стула. – Что без него делать-то будем? Тот поляк был хорошей ниточкой, за нее можно было зацепиться и потянуть... А теперь что нам остается?

– Может быть, пойти в то уличное кафе, где Полундра с этим поляком пил, поспрашивать? – предложил Воронцов.

– А ты хорошо запомнил, где оно находится, это кафе?

– Запомнил, – отвечал старлей, – да и потом по телевизору и в газетах подробно распилили, где и что...

– Ну хорошо, – кавторанг кивнул. – Иди, действуй. Только смотри, сам не напейся и не попади в пьяном виде под винты, как твой командир...

– Есть, товарищ капитан второго ранга! – радостно отчеканил старлей Воронцов. – Есть заняться поисками того поляка!

– А я пока попробую с командованием объясниться, – как бы про себя говорил командир гидрографического судна. – На меня-то теперь проще всего наезжать, тем более что все равно больше вроде как не на кого. Только если это и правда провокация, и польские, или натовские, или черт знает еще какие спецслужбы так лихо работают... Я чувствую, дело пахнет жареным!

Старлей Воронцов отправился выполнять задание, а кавторанг Карамышев еще долго сидел за столом в своей каюте. Морща лоб, он обдумывал план дальнейших действий.

Глава 13

По устилающим пол квартиры тряпичным половикам прямо босиком расхаживала молодая красивая женщина характерно польской внешности, ее халатик, одетый прямо на голое тело, то и дело провокационно распахивался, обнажая то одну, то другую интимную часть ее розового тела, но, казалось, это ее ничуть не беспокоило. Молодая женщина была заметно раздражена, брови ее были нахмурены, а губки сердито надуты, что придавало тем больше прелесть ее своеобразной, нерусской красоте. Расхаживая по квартире и выполняя мелкие хозяйственные дела, она не обращала внимания на лежащего на широкой семейной кровати и от души сибаритствующего Славку Климковича, своего законного супруга. Тот был еще полон впечатлениями прошедшей жаркой ночи, несмотря на уже третий год совместной жизни, его увлечение собственной супругой не только не остывало, но, казалось, с каждым днем, а особенно с каждой ночью разгоралось с новой силой. Однако теперешнее скверное с утра настроение его жены заставляло Славку несколько нервничать, тем более что о причине его он вполне догадывался.

– Маришка, я тебя прошу, не заводишься, – как-то не особенно уверенно заговорил Славка Климкович, глядя, как разъяряется, расхаживая из угла в угол по комнате, его любимая супруга. – Что страшного, собственно, случилось?

– Не смей называть меня этим именем, слышишь? – пылко возразила та, останавливаясь посреди комнаты и завязывая пояс на распахнувшемся было халатике. – Я Мария, слышишь ты, в крайнем случае, Марыся...

– Маришка очень красивое имя... Что такого случилось, что ты опять как заведенная?

– Что случилось? – патетично воскликнула Марыся. – Ты меня спрашиваешь, что случилось? Тебя таксист привез в бесчувственном виде, поставил как мешок с навозом перед самой моей дверью, это, по-твоему, ничего не случилось? А ты подумал, что скажут наши соседи? Что они будут думать про нас с тобой? Ты подумал, что скажет про нас пан Тадеуш из десятой квартиры?

Славка Климкович тяжело и устало вздохнул:

– И из-за этого старого борова Тадеуша ты мне теперь полируешь мозги...

Казалось, на мгновение Славкина жена потеряла дар речи от возмущения.

– Пан Тадеуш? Старый боров? Ну знаешь!.. – В возмущении она снова стала расхаживать по комнате, при этом ее халатик опять распахнулся. – Не смей так говорить о нем, слышишь ты?

– Может, хватит, а? – устало спросил Славка Климкович, откидываясь на подушку и закрывая в изнеможении глаза. – Из-за ерунды-то крик устраивать.

– Из-за ерунды? Вы слышали? Из-за ерунды! – Марыся схватила за голову, при этом полы халатика распахнулись, обнажив все самые сокровенные места. Однако она словно не замечала этого. – Да ты должен был быть рад, что тебе попался настоящий польский таксист, порядочный человек. Попадись тебе русский, он бы тебе карманы обчистил и в канаву вывалил. И добирайся домой как хочешь.

– Карманы у меня и в самом деле оказались совершенно пусты, – хладнокровно заметил Славка.

– Это потому что ты все пропил! – убежденно заявила Марыся. – Ты когда пьешь, уже не помнишь, сколько ты выпил и сколько у тебя денег остается...

– Ну, прям, не помню! – возразил было Славка Климкович, но жена его не слушала.

– Все беды твои происходят от пьянства, – возбужденно продолжала она. – И мало того! Хоть бы пил с настоящими поляками. Нет, тебя все время заносит черт знает куда! В последний раз ты нашел какого-то нищего русского, с ним напился...

– Это не какой-то русский! – возразил Славка Климкович. – Это мой старинный друг и однокурсник.

– Ах, старинный друг! – саркастически воскликнула жена. – Между истинным поляком и русским не может быть дружбы! Этот странный друг напоил тебя до полусмерти, а сам потом свалился в море, и его насмерть зарубило винтами парохода! Удивительно, как это ты сам в море не угодил!

– Мне самому удивительно, – негромко отвечал Славка. – Я как тот коньяк выпил, так больше ничего и не помнил, что со мной было...

– Вот я и говорю! – продолжала его супруга. – Значит, тебе он что-то подсыпал!

– Серега Павлов? – подскочил на постели Славка. – Да ты соображаешь, что ты говоришь? Да зачем это ему нужно?

– КГБ знает, зачем это было нужно! – убежденно воскликнула Марыся. – Это какой-то добрый поляк наверняка тебя спас. Этого дьявола русского в море, а тебя домой доставил...

Несколько мгновений Славка Климкович ошалело тарашил глаза на свою молодую жену.

– Да ну, бред! – наконец проговорил он, потирая себе лоб. – Серега Павлов – русский шпион! Чувшь собачья! Но ничего. Я еще доберусь до этого «доброего поляка»! Я душу из него вытряхну, но он мне скажет, зачем все это сделал!..

– Что? – вдруг подскочила к нему Марыся. – Ну-ка, повтори! Что ты собрался сделать?

– Да так, ничего, – отвечал Славка, однако отворачивая голову прочь от настойчивого взгляда жены. – Хочу порасспросить кое-кого о том, что мы с Серегой пили в этом кафе...

– Порасспросить? – воскликнула Марыся. – Не смей и думать! Тебе мало того, что ты уже натворил? Тебе мало того, что ты напился как свинья с русским офицером? Ты еще потащился в порт, попытался проникнуть на корабль, где служил этот русский. Зачем ты это сделал? Ты хочешь погубить себя и меня?

Славка Климкович снова некоторое время изумленно разглядывал свою жену.

– А ты про это откуда знаешь? – спросил он. – Я же тебе не говорил, что в порт иду...

– Вот именно! – картинно всплеснув руками, воскликнула Марыся. – Ты и не подумал мне про это рассказать! Я должна все узнавать от чужих людей!

– От чужих людей? – в изумлении Славка приподнялся на кровати. – Погоди, погоди! Ну-ка, рассказывай, что за люди тебе про это все разболтали? А я-то думаю, с чего это ты с утра сегодня такая заведенная...

– Будешь заведенная, – отвечала Марыся, – когда к тебе придут двое офицеров полиции из уголовного розыска и начнут рассказывать про твоего мужа всякие мерзости. Ну скажи, зачем ты полез на это русское судно? Ты что, хочешь иметь проблемы с польским гражданством?

– При чем здесь польское гражданство?

– Эти двое обещали мне, что, если ты не оставишь эту историю в покое, проблемы с гражданством у тебя непременно возникнут!

– Они так сказали? – удивленно пробормотал Славка. – Какое дело уголовному розыску до моего гражданства?

– Ты связался с русским моряком, естественно, они могут подумать, что ты русский шпион.

– Я? – Славка Климкович даже подскочил на кровати. – Как я могу быть шпионом? Я уже третий год в этой стране живу!

– Потому-то они пока только предупреждают нас с тобой! – отвечала Марыся. – Если бы не это, тебя бы давно арестовали. Мне они так сказали...

– Тебе? – продолжал недоумевать Славка. – Я что-то не понял, с какой стати они решили говорить именно с тобой...

– Они пришли поговорить с тобой, – отвечала его жена. – Но тебя как раз дома не было, ты ушел в свой дайвинг-клуб. Они сказали, очень жалеют, что тебя не застали. Им было очень важно встретиться именно с тобой...

– Что же они не наведались в дайвинг-клуб? – озадаченно переспросил Славка.

– Значит, они не знали, что ты там!

– Могли бы позвонить... Полиция всегда найдет человека, если он ей нужен, на то она и полиция... Здесь что-то непонятное... Такое впечатление, что эти господа из полиции хотели поговорить именно с тобой...

Некоторое время Марыся, наморщив узкий лобик, смотрела на своего супруга красивыми, ничего не понимающими глазами.

– Ну скажи, – снова заговорила она. – Ну о чем ты говорил там, на этом русском корабле?

– На гидрографическом судне? – Славка пожал плечами. – Да ни о чем. Они меня выслушали, да и послали на хрен. Сказали, закусывать надо было...

– Ну вот видишь! И зачем ты тогда в это дело лезешь?

– Не знаю...

В тот момент Славка Климкович и сам не понимал, зачем он полез на это русское судно, накликал на свою голову неприятностей.

– Твой друг все равно уже мертв! – продолжала Марыся в каком-то отчаянии. – Причины его смерти всем известны и ни у кого сомнений не вызывают. Чем ты теперь ему можешь помочь?

– Да ну, не знаю, – неуверенно пробормотал Славка, рассеянно глядя на провокационно распахивающийся халатик своей жены. – Просто хочу разобраться во всем этом, вот и все.

– Я тебе уже сказала, что у тебя будут неприятности из-за этого! – воскликнула Марыся. – У нас обоих будут неприятности, понимаешь?

– Да, но... – неуверенно пробормотал Славка.

– Никаких «но»! Ты должен мне обещать, что про своего русского друга забудешь, к русским на их судно больше не пойдешь и ни с кем из них встречаться не будешь. Не доведет тебя до добра эта история...

Славка Климкович молчал, рассеянно глядя на мелькающее между складок халата розовое тело его супруги. Та тем временем уселась на кровати рядом с ним, нежно обняла его голову, положила ее к себе на колени.

– Ну обещай мне, что с этой историей навсегда для нас с тобой покончено, – сказала она. – Обещаешь?

Славка молчал, рассеянно глядя мимо нее в окно.

– Обещаешь? – снова настойчиво повторила она.

– А что мне за это будет? – спросил Славка.

– Тебе?

Внезапно Славка Климкович вскочил с кровати и набросился было на свою жену. Но та стремительным движением выскользнула из его объятий, отскочила в сторону. Халатик обольстительно распахнулся.

– Да ты что, Маришка? – ошалело пробормотал Славка, не сводя со своей жены заблестевших страстью глаз. – Ну-ка, иди сюда...

– Сначала обещай, что ты забудешь про своего русского!

Славка кинулся к своей супруге, но та ловко поставила на его пути стул, проворно увернулась, очутилась в другом конце комнаты.

– Обещаешь?

– Черт с ним, с русским, иди сюда!

– А ты обещаешь?

– Ладно, обещаю! – Славка Климкович, весь красный от волнения, шумно пыхтел. – Слышишь? Обещаю! Больше ни с одним русским не свяжусь. Ну же, иди сюда...

Он снова кинулся, настиг свою жену, обнял ее было, но та ловко подставила ему локти.

– Повтори, что ты мне обещаешь.

– Ну, что не буду больше пьянствовать с русскими моряками, – озверев от бунтующей крови, пробормотал Славка.

– А еще?

– Тьфу, черт! – Славка попробовал было обнять покрепче Марысю, но та оборонялась умело и с большим успехом. – Ну, что про этого Серегу Павлова забуду и больше не стану интересоваться причиной его гибели...

– Вот так! – Марыся тонко, заливисто засмеялась. – Помни свое обещание, морячок! Иначе...

Что будет иначе, она не договорила. Потому что в следующее мгновение Славка повалил ее на постель, упал сам, и некоторое время в комнате ничего не было слышно, кроме шумного дыхания и тихих, сдавленных, но блаженных стонов.

Глава 14

Наташа Павлова, устало подперев голову руками, сидела на краю широкого семейного дивана в комнате обычной городской квартиры, где ее с ребенком непрерывно держали вот уже третьи сутки. Ее маленький сынок не мог больше спать, но, лежа с широко раскрытыми глазами, прислушивался к тому, что творилось за стеной в соседней комнате, где находились их тюремщики.

Они ругались, громко и грязно, никого и ничего не стесняясь. Долгое время, проведенное вместе и в бездействии, сделало их раздражительными, они постоянно ссорились по пустякам.

– Фу, блин, зараза, ты, хрен моржовый! Ты опять, что ли, весь хлеб сожрал?

– Ну а чего я? Я один, что ли, его жру?

– Ты жрешь как боров! Вчера только целая буханка хлеба была и моток колбасы. А теперь пусто!

– Так что тут делать-то? Сидишь, эту дуру сторожишь... Оно как-то само собой получается, того кусочек, другого кусочек...

– Ну какого хрена теперь на меня уставился? Давай иди за хлебом!

– Я, что ль?

– Ты, что ль! А на хер ты мне нужен, что я для тебя буду хлеб носить, чтобы ты его жрал. Давай, давай, вали! И еще какой-нибудь жратвы купи, рыбных консервов, что ли... От колбасы меня уже тошнит!

Бормоча что-то себе под нос, второй бандит отправился в прихожую, стал надевать ботинки, готовясь идти в магазин. Вот хлопнула дверь, и второй бандит ушел. В квартире ненадолго стало тихо.

– Мама, а почему дяди такие злые? – тихо проговорил лежащий на диване с открытыми глазами Андрюшка.

Его мать устало улыбнулась, покачала головой.

– Не знаю, сыночек, – отвечала она. – Такие уж...

– Мама, если я сейчас попрошусь в туалет, дяди будут очень злые?

– Нет, сыночек, – Наташа Павлова торопливо встала, взяла своего ребенка за руку. – Если хочешь в туалет, то пошли! Не надо терпеть...

Она постучала в тяжелую дубовую дверь. В соседней комнате послышалось чертыханье, затем шаги, шум отодвигаемого засова.

– Ну чего тебе? – первый бандит, по-прежнему в форме капитана третьего ранга, стоял на пороге комнаты. Лицо его было небритое, обрюзгшее и основательно заплывшее жиром. На поясе у него висела короткая полицейская резиновая дубинка и баллончик со слезоточивым газом.

– Моему сыну надо в туалет, – отвечала Наташа. – Он не может терпеть, он еще маленький...

– Фу, блин, дура хренова, заколебала ты меня со своим сосунком, – сердито проворчал он. – Ладно, проходите. Только по-быстрому! А то...

Наташа Павлова с ребенком за руку прошла в туалетную комнату. По-быстрому помогла своему сыну сделать все дела, сама в это время машинально оглядывалась вокруг.

Санузел в этой квартире был совмещенным, в одной небольшой комнатке помещались и старая чугунная с побитой эмалью ванна, и мойка, и старый, с ржавыми потеками унитаза. Возле унитаза стоял довольно внушительный баллончик с дезодорантом для освежения воздуха в туалете. Поболтав его около уха, Наташа Павлова определила, что он был не пустой. Торопливо спрятав дезодорант в складках платья, Наташа Павлова вышла из туалетной комнаты, ведя мальчика за руку. Бандит с хмурым видом ждал ее в прихожей.

Наташа проскользнула мимо него в свою комнату, уложила сына на кровать и кинулась к своей сумочке. Порывшись в ее недрах, извлекла оттуда крохотные маникюрные ножницы. После чего, велев своему сыночку лежать тихо, она направилась к двери и снова постучала в нее.

Послышались шаги, на этот раз, не отодвигая засова, бандит спросил из-за двери до предела раздраженным голосом:

– Ну, что у тебя теперь? Заколебала ты меня на хрен...

– У моего сына с животиком плохо, ему надо снова...

– Фу, блин, ну, на хер, что с вами делать-то!

Охранник стал отодвигать засов. Едва он открыл дверь, как струя жидкости из дезодоранта ударила ему прямо в глаза, от неожиданности тот охнул, закрыл лицо руками, отступил было в сторону. Наталья Павлова подхватила сына и кинулась к дверям, но охранник двинулся вперед и стоял теперь на пути у нее, загораживая дверной проем всей своей тушей.

– Стой, сука поганая, не уйдешь! – ревел от боли и злости охранник, продолжая тереть обожженные дезодорантом, невидящие глаза. – погоди, промою зенки свои, я пришибу тебя на хрен...

Наташа Павлова попробовала было изо всех сил толкнуть охранника, чтобы тот отодвинулся из дверного проема, но тот был слишком крепкий и стоял на ногах прочно. Едва Наташа оказалась рядом с ним, бандит внезапно обхватил ее руками и с силой притянул к себе. Наташа снова брызнула ему дезодорантом, на этот раз в рот. Тот закашлялся, но хватки своей не ослабил. Тогда Наташа Павлова крепче сжала маникюрные ножницы в руке и, насколько у нее хватило сил, всадила их бандиту в плечо. Охнув от боли, бандит стал валиться на пол, хватка его несколько ослабела.

Тогда Наташа изловчилась и сняла у охранника с пояса баллончик с полицейским газом. Вставив направляющую трубочку распылителя баллончика бандиту прямо в нос, она с силой нажала клапан. Газ с шипением вырвался наружу, бандит стремительно дернулся, затрепетал, руки и ноги его мгновенно стали ватными. Тогда Наташа Павлова с силой оттолкнула его от себя, и бандит отлетел к противоположной стене, рухнул на пол.

Однако выстрел газом из баллончика был произведен слишком близко от ее собственного лица. Наташа Павлова почувствовала, как глаза ее безумно щиплет, из них, лишая их способности нормально видеть, ручьем льются слезы. Газ забирается к ней в легкие, отчего голова мутится, ноги ее наливаются свинцом, и силы оставляют ее.

– Мама, мама! Что с тобой?

Маленький Андрюшка Павлов кинулся было к матери, пытаясь поддержать ее.

– Ничего, ничего, Андрюшенька, – пролепетала мать, судорожно хватаясь за дверной косяк, чтобы не упасть. – Скорее пойдем со мной...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.